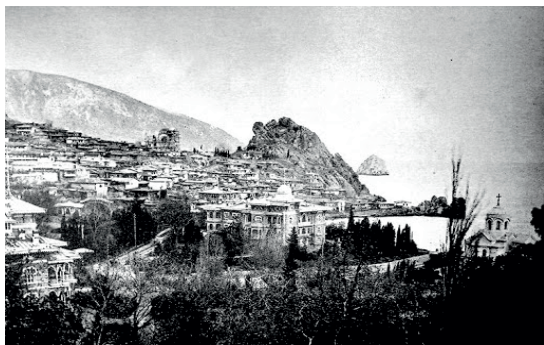
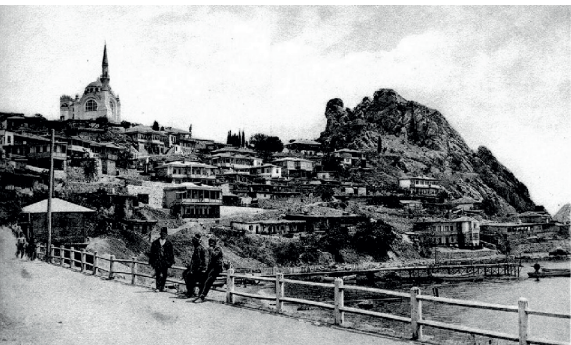
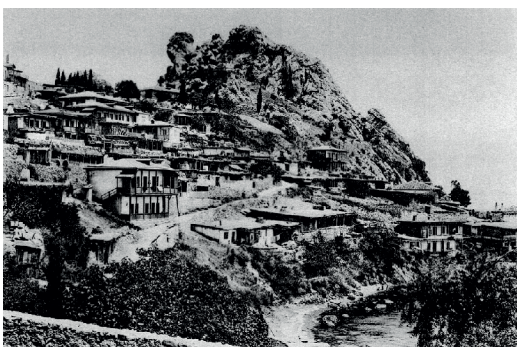

Министерство культуры Республики Крым
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»

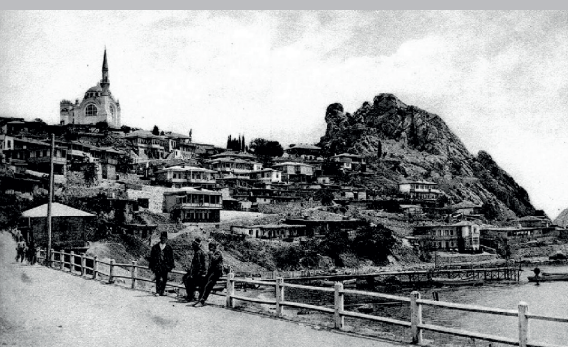

Международная научно-практическая
конференция
«Дни Ришелье
в Гурзуфе»

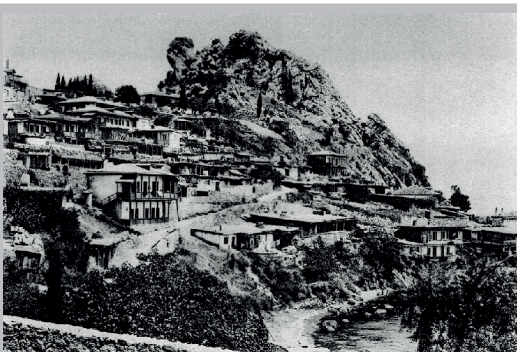
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
Ялта 2016

Министерство культуры Республики Крым
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»

Международная научно-практическая
конференция

«Дни Ришелье в Гурзуфе»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
Ялта 2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52+63.3(2)53
Д 54

*Публикуется по решению Научно-методического совета
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»*

Ответственный редактор: Т. В. Джакаева
Составители: Т. В. Джакаева, Л. В. Савостьянова
Редакторы: Л. П. Авдоница, Л. В. Савостьянова, Ю. Г. Долгополова

Д 54 **Международная научно-практическая конференция «Дни
Ришелье в Гурзуфе» (2016): сборник научных трудов /** Под ред.
Т. В. Джакаевой и др. — Ялта: Крымский литературно-художественный
музей-заповедник, 2021. — 100 с., ил.
ISBN 978-5-6046175-2-6

Сборник содержит материалы IV и V научно-практических конференций
«Дни Ришелье в Гурзуфе», проходивших 27–28 сентября 2013 года и 24 сентября
2016 года в Музее А. С. Пушкина в Гурзуфе, расположенном в доме герцога Ришелье.
Для историков, работников музеев, краеведов, экскурсоводов.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52+63.3(2)53

Адреса для переписки:
Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе
пгт Гурзуф, ул. Набережная им. А. С. Пушкина, 1
Республика Крым, Российская Федерация, 298640

Крымское французское общество
г. Симферополь, а/я 1450
Республика Крым, Российская Федерация, 295000

E-mail: mpgurzuf2016@mail.ru

ISBN 978-5-6046175-2-6

© Коллектив авторов, 2021
© ГБУК РК «Крымский литературно-
художественный мемориальный музей-
заповедник», 2021
© ИП Пинчук А. В., макет, оформление, 2021

Содержание

<i>Ж. С. Амфитеатрова</i> Крым — наша Родина	4
<i>В. А. Долженко</i> Полководец Александр Македонский — рисунок А. С. Пушкина 1821 года.....	9
<i>С. М. Дремлюгина</i> Тема Отечественной войны 1812 года в экспозиции музея А. С. Пушкина в Гурзуфе.....	14
<i>Э. Б. Петрова</i> Историко-архитектурные памятники крымского Южнобережья в художественном творчестве В. О. Руссена.....	17
<i>О. Ю. Ершова</i> Б. В. Томашевский — исследователь «французского» Пушкина.....	29
<i>Б. Красняков</i> «Градоначальник здешний...»	32
<i>Н. М. Макарухина</i> Судьба имения герцога де Ришелье на Южном берегу Крыма (по документам РГИА и ГАРК).....	36
<i>Н. М. Макарухина</i> Новые материалы о семье Ле-Дантю в Гурзуфе (по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Государственного архива Республики Крым (ГАРК)).....	42
<i>Е. Архипова</i> «О странностях случая...». Сага о Бетанкуре (Бетанкур Август Августович, 1758–1824)	49
<i>И. С. Ганжа</i> Романовы: французская книга в императорской библиотеке.....	52
<i>Е. Захарова</i> Роль герцога Ришелье в мировой истории	58
<i>А. Медведева</i> «Ни один французский государственный деятель не знает так хорошо Крымских дел, как герцог Ришелье»	76
<i>С. М. Дремлюгина</i> Парк Ришелье в Гурзуфе: этапы развития.....	82
<i>И. Фоменко</i> Ялтинские иностранцы.....	93
Сведения об авторах	99

Ж. С. Амфитеатрова

Симферополь

Крым — наша Родина

Фразу «Крым — наша Родина», сказанную Виктором Баррасом, членом Совета Крымского французского общества, можно отнести ко всем французам, проживавшим и проживающим в нашем благословенном крае. Как и его предки, прибывшие в XIX веке из разных регионов Франции и Санкт-Петербурга в Крым, так и современные французы, по рассказам Виктора Георгиевича, вернувшиеся во Францию, любили, любят и почитают Крым своей Родиной. На прошлой конференции мною была дана информация о деятельности Крымского французского общества, о нашей прочной связи с домом дюка Ришелье в Гурзуфе.

Несмотря на большую пропагандистскую работу, проводимую нашим обществом и другими организациями по истории заселения Крыма, перед нами постоянно ставятся вопросы такого типа: «А французы... это те, что остались после войны 1812 года?.. или после Крымской войны?..» На примере семьи члена Крымского французского общества Виктора Георгиевича Барраса представлю рассказ о жизни и деятельности французов в Крыму.

Несомненно, Крым притягивал к себе внимание Франции с давних времён как центр соединения культур Востока и Европы. Уже в начале XVI века во Франции можно было познакомиться с историей нашего полуострова с античных времён в издаваемых там трактатах по всемирной истории и географии.

Во второй половине XVII века заметный след в исследовании и описании Крымского ханства оставил Поль Шарден, знаменитый французский путешественник, весьма образованный для своего времени человек. Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» очень высоко оценил роль Поля Шардена в развитии отношений между Западом и Востоком. Приняла участие в изучении Крыма и католическая церковь в лице доминиканского монаха-миссионера Жака де Люка. Ценность работ Жака де Люка и Шардена именно в достоверности, так как они были не только очевидцами описанных событий, но и выполняли задания, данные им правителями Франции и католической церковью.

Имеющиеся источники говорят о том, что значительные группы французов появляются в России уже в эпоху Петра I. Будучи во Франции, император пригласил жить и работать в России до ста семей различного рода специалистов (техников, ремесленников, художников), которых он высоко ценил. После манифеста 1702 года о приглашении

иностранцев в Россию многие стали приезжать самостоятельно. Среди них были и инженеры, как военные, так и гражданские, промышленники (Колленж, Кулон, Ламбер, Лубатье и др.). Большое количество французов начали прибывать в Крым в XVIII веке во времена Екатерины II. Первые многочисленные французские поселения были в районе Судака и Феодосии. Благодаря французскому аббату Милло было обустроено поселение «Верхние Фундуклы», которые так и называли «Французскими», и они находились между Симферополем и Белогорском. Предприимчивые трудолюбивые французы разводили виноградники и сады, строили имения, создавали мелиоративные системы и мельницы, благоустраивали Южный берег Крыма.

Сегодня среди нас находится талантливый художник Виктор Баррас, известный и в России, и на Украине как художник по металлу и архитектор. Он является потомком нескольких поколений крымских французов. В настоящее время красочная фотовыставка его работ «Французские традиции в современном дизайне» демонстрируется в Симферополе.

Но вернёмся к семье Виктора Георгиевича. Жюль Баррас (1846–1906), прадед художника, строил паровые и водяные мельницы в Крыму и на Юге Украины. Этому делу он отдавал все свои силы, вкладывал душу. И впоследствии, став одним из богатейших людей Крыма, на собственные средства построил по новейшим инженерным разработкам в районе Карасубазара одну из самых крупных водяных мельниц в Крыму. Сохранилась фотография 1866 года, присланная Виктору родственниками из Франции, на которой Жюль запечатлён в Феодосии.

В Крыму Жюль Баррас встретил свою будущую жену — 16-летнюю Франсуазу Рэйно (1854–1934), переехавшую с родителями из Санкт-Петербурга. Нелёгкой оказалась судьба этой мужественной женщины. После смерти мужа она осталась с тремя детьми на руках и с весьма ограниченными средствами. Но мадам Баррас не пала духом и со всей энергией своего южного характера взялась за благоустройство имения Татьяны Иосифовны Пружанской, к которой поступила управляющей. В сохранившейся доверенности, выданной на её имя, значится: «Милостивая государыня Лина Иосифовна! (Так по-русски звали Франсуазу Жюли Амалию Баррас. — *Прим. авт.*). Прошу Вас управлять и распорядиться принадлежащим мне движимым и недвижимым имуществом и заведовать всеми моими делами. В имениях Вы можете вести хозяйство по системе, какую признаете удобною, нанимать и увольнять поверенных, служащих и рабочих людей и требовать от них отчёты и пр.» Мадам Баррас достойно выполняла свою работу, не забывая о семье, поднимая детей на ноги.

Своих детей крымские французы отправляли учиться и на воспитание в пансион в Фонтенбло под Парижем. Именно в пансионе разбросан-

ные по всему Крыму французы знакомились, создавали семьи. Там с 8 до 16 лет находились и девочки Баррас, Луиза и Мари. И хотя Франция была землёй их предков, впоследствии сёстры вспоминали период своей парижской учёбы как тюремное заключение. Они всем сердцем стремились в тёплый солнечный Крым, домой. В Крыму они родились, там же впоследствии обзавелись семьями и воспитали детей.

Младший сын супругов Баррас, Виктор, дед Виктора Георгиевича (1877–1945), учился во Франции на инженера-агронома, а затем служил во Французской армии в 1900–1902 годах. В сохранившемся военном билете даны краткие, но интересные на сегодняшний день сведения: «Виктор Баррас, родился 14 июля 1877 года в Симферополе, Крым. Профессия — мельник. Проживает в Симферополе. Волосы и ресницы русые, глаза серые, лоб обычный, нос и рот средние, лицо овальное. Рост — 1 м 84 см». Выцветшие строки, выведенные каллиграфическим почерком, дают нам представление о крымском французе. Документы показывают, что он был первым стрелком среди своего взвода по военной подготовке, получив оценку *tres bien* («отлично»). Дослужился до чина капрала и был награждён серебряным орденом Святого Станислава.

Вернувшись домой в Симферополь, Виктор женился на очаровательной француженке Эжени, дочери Селестена и Терезы Коломб, переехавших в конце XIX века из Марселя в Крым. Селестен Коломб также занимался строительством мельниц и одно время работал с Жюлем Баррасом. Старшая сестра Виктора Мари Баррас вышла замуж за Франсуа Ваше, сына савойских переселенцев Луи Ваше и Мари Дюгур. Так в едином семействе соединились четыре фамилии крымских французов.

Супруги Ваше жили в Симферополе, где им принадлежала мельница на Феодосийском мосту. В семейном архиве есть почтовая открытка того времени, где мы видим и мост, и мельницу. Позднее Франсуа Ваше стал управляющим и архитектором в имении князя Кугушева Сартана (район Карасубазара). Семейство Кугушевых чувствовало тяготение к русской культуре. На Пасху готовили традиционный кулич и красили яйца. И не случайно их потомки проявляют большой интерес ко многим явлениям русской культуры, как семейную реликвию, берегут воспоминания о далёком солнечном Крымском полуострове, о котором им с такой любовью рассказывали родители. Сын Анри Ваше Франсуа великолепно владел русским языком, являлся непревзойденным знатоком русской классики и занимался переводами Тургенева, Бунина, Чехова.

Именно Франсуа Ваше отыскал в конце 1980-х годов в Симферополе своего троюродного брата Виктора Георгиевича Барраса. «Встреча с моими французскими кузенами была для меня настоящим откровением, — говорил он. — Я почувствовал необыкновенную близость и родственность душ. Так же, как и я, они влюблены в искусство, архитектуру.

И если я с детства интересовался Францией и французской культурой, то мои родственники, уехавшие во Францию, всегда стремились хоть что-нибудь узнать о членах нашей семьи, оставшихся в Крыму».

Что касается отца художника — Георгия Викторовича Барраса, то он работал в Художественном фонде Союза художников Крыма и занимался музейными экспозициями. «... Георгий Викторович был французом до кончиков ногтей», — так говорила Юлия Семёновна Вайсенгольц, работник Крымского республиканского краеведческого музея. «... Он обладал великолепным чувством юмора, в обращении с дамами был безукоризненно вежлив и предупредителен. Даже в преклонном возрасте не выглядел стариком. В свои 80 лет мог бежать за автобусом и ещё подавать руку выходящим женщинам. Это был человек несокрушимой воли, колоссального энергетического запаса. Он страстно любил жизнь и смеялся смерти в лицо». К тому же он являлся изумительным кулинаром. Как всякий француз-южанин, он возводил процесс приготовления пищи в разряд искусства. На юге мужчины готовят порой лучше женщин, потому что делают это редко, тщательно и ради собственного удовольствия. Георгий Викторович пёк всевозможные французские булочки, бисквиты, рулеты, сладости. Но, конечно, его фирменным блюдом был пышный красавец наполеон, millefeuilles (тысячелистник), как его называют французы.

Георгий Викторович был весьма чувствительной и лирической натурой и оставил сыну тетрадь своих стихов:

*Если жар в груди
не погас,
И огни углей блистают,
Если где-то в душе у вас
Мотылёчки любви
летают...
Значит, жизнь ещё
не прошла,
Значит, молодость
не стареет,
Лишь ненужная
часть отошла,
И по-новому солнце
греет...*

«Отец никогда не был во Франции, хотя всю жизнь об этом мечтал, — рассказывал нам Виктор. — Когда я впервые очутился во Франции, почувствовал, насколько мне близка эта культура, эти люди, эта

природа. Однако очень скоро я затосковал по Крыму, с особой ясностью ощутил, что именно здесь моё место, здесь мои корни».

Крымская земля даёт силы творческому духу Виктора Барраса, именно здесь художник обретает неисчерпаемый источник вдохновения. Симферополю он подарил немало своих работ. Это оформление интерьера и экстерьера Симферопольского социально-психологического центра (на ул. Розы Люксембург), бывшего магазина Adidas на ул. Пушкина, Дворца культуры профсоюзов и множество других работ, фотографии которых можно сегодня увидеть на выставке в Симферополе.

Виктор Георгиевич Баррас является членом Национального союза художников Украины (НСХУ), членом Союза дизайнеров Украины, первым заместителем председателя Крымской организации НСХУ, Председателем художественного фонда Крымской организации НСХУ.

Ко всему сказанному хочу добавить, что о судьбе каждого крымского француза, можно говорить, что она, начиная уже с далёкого прошлого, во многом зависела от политики нашего государства после революции 1917 года.

В. А. Долженко

Николаев

Полководец Александр Македонский — рисунок А. С. Пушкина 1821 года

Годы бессарабской ссылки Пушкина с 1820 года по 1823 год — время, полное революционных взрывов.

«От одного конца Европы до другого видно одно и то же — от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клочкотать» — так охарактеризовал 20-е годы XIX века декабрист Павел Иванович Пестель.

Едва ли не с первых дней пребывания Пушкина в Кишинёве, названном «колыбелью греческой революции», началось его общение с братьями Ипсиланти. Особенно интересовался поэт старшим братом, вождём Этерии, Александром. «... Счастливо начал», — говорил о нём Пушкин.

Сын господаря Молдовы и Валахии, участник Отечественной войны 1812 года, потерявший руку в сражении под Дрезденом, дослужившийся в русской армии до генерал-майора, ставший адъютантом Александра I, был человеком незаурядным.

Князь А. Ипсиланти состоял в петербургской масонской ложе «Три добродетели». В 1820 году он вступил, а затем и возглавил тайное греческое общество «Фелики Этерии», ставившее своей задачей освобождение Греции от турецкого ига.

Отмечая личную храбрость князя, Пушкин отказывал ему в таланте военачальника. Известно, что 19 июня 1821 года под Драгошанами войска повстанцев потерпели поражение, были рассеяны, а сам князь бежал в Австрию, где его как бунтовщика упрятали в тюрьму. Да, полководец из Ипсиланти не вышел. Греция не была освобождена. Поэт гневно осуждал его сподвижников, особенно в написанной по-французски «Заметке о революции Ипсиланти».

А. С. Пушкин несколько раз рисовал А. Ипсиланти в своих черновиках. Рассмотрим лист с рисунками поэта, предположительно датированный июнем 1821 года, и прочтём, что пишут о нём пушкинисты-исследователи.

«Обратимся, например, к л. 46 первой кишинёвской тетради (ПД, № 831); здесь имеются четыре черновых наброска: начало письма

на французском языке, план поэмы о разбойниках, две стихотворные строки (“Одна черта руки моей, и ты довольна, друг мой нежный”) и план произведения об Олеге и Игоре (“Олег — в Византию, Игорь и Ольга — в поход”). В нижней части листа — портреты Марата (два), Занда, Лувеля, женщины в короне в рост, позже прямо по текстам зарисовываются А. Ипсиланти, А. Кантакузин с женой (определение Г. Ф. Богача), а сверху — портрет в фас мужчины, лицо которого окаймлено бородой, смыкающейся с буйной шевелюрой, и несколько набросков портрета юноши. Ход мысли поэта здесь определяется достаточно уверенно. Основной столь разнообразной по темам графической сюитой является план произведения об Олеге и Игоре (последняя запись на этом листе). Именно их лица зарисованы сверху, фигура же женщины в рост, несомненно, Ольга. Но сам замысел поэмы на исторический сюжет — о походе на Византию — возник в представлении Пушкина в прямой связи с актуальными событиями 1821 года, с ожиданием похода за освобождение Греции от турецкого ига...» [1, с. 25].

Скорее всего, поэт набросал этот рисунок уже после поражения греческого восстания и предполагал худшее. Глаза у князя закрыты (сверху идут буквы текста), у шеи нарисована гильотина (наблюдение А. Чернова). Однако князь шесть лет спустя, благодаря вмешательству правительства Николая I, обрёл свободу, но вскоре умер.

Продолжая внимательно рассматривать рисунок далее, трудно согласиться с тем, что над головой А. Ипсиланти нарисованы два русских князя — князь Олег в анфас (очевидно, исследователь не разглядел изображения «три в одном») и поменьше, в нескольких вариантах (с пышной шевелюрой), князь Игорь.

Обратимся к книге «История причёски»: «Мужчины отпускали бороды до достижения совершеннолетия. Длинные бороды носили только старые люди, зато усы носили густые и пышные» [2, с. 84].

Но у изображённых лиц отсутствуют усы, что для предполагаемых киевских князей, Ольги и Игоря, было недоступным [3, с. 117, 245].

К этим изображениям вернемся чуть ниже.

Выскажу своё предположение. У Пушкина всё нарисовано последовательно. Текст о князе Ольге, Игоре и княгине Ольге написан в самом низу, там и нарисована Ольга. Она изображена в слишком прозрачном одеянии, среди террористов и революционеров. Вероятно, Пушкин хотел напомнить, какую Ольга была до принятия христианства, до поездки в Константинополь. А была она мстительной княгиней. Очевидно, Пушкин хотел описать жизнь и превращение княгини Ольги (см. рис. 1).

Рис. 1. Изображения в черновиках А. С. Пушкина

Вспомним, что лист с рисунком датирован 1821 годом — годом десятилетнего юбилея Лицея (1811–1821). Полагаю, что на этом же листе изображён родной брат Ж. П. Марата — Д. И. Будри, преподававший в Лицее французскую словесность [4].

Учителем истории в Лицее был И. К. Кайданов. Уж ни его ли профиль нарисован в верхнем левом углу? На основе лекций, читанных первому (пушкинскому) лицейскому курсу, Кайданов написал учебник-книгу «Основания всеобщей политической истории. Часть первая. Древняя история». Сведения из древней истории в те времена считались абсолютно необходимыми дворянскому недорослю, что и было зафиксировано в уставе Лицея, требовавшего от поступающих обязательного знакомства именно с древней историей. Так как лицеистов готовили для службы государственной, истории уделялось немало времени.

И. К. Кайданов, как и Куницын, читал лекции по своим записям, использовал различные исторические труды западноевропейских авторов. Так же как Малиновский и Куницын, Кайданов осуждал деспотизм,

причины расцвета Греции видел в политической свободе её граждан, падение Рима связывал с усилением рабства и насилия. Кайданов говорил о высоком патриотизме, о чувстве национальной гордости, восхищался подвигами древних, самоотверженно защищавших своё отечество. В своих лекциях Кайданов, как Куницын и Кошанский, использовал знаменитые «Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей». И. К. Кайданов закончил Киевскую духовную академию, Санкт-Петербургский педагогический институт, Геттингенский университет, в 1861 году он стал профессором.

Вот что писал о первых лицейских профессорах первый биограф Пушкина П. В. Анненков: «Можно сказать без всякого преувеличения, что все эти лица должны были считаться передовыми людьми эпохи на учебном поприще. Ни за ними, ни около них мы не видим ни одного русского имени, которое бы имело более прав на звание образцового преподавателя, чем эти, тогда ещё молодые, имена» [5].

Вот такие учителя были в Лицее. Пушкин, как и все лицеисты, любил и ценил своих учителей. Здесь уместно вспомнить и Аристотеля, который в 343 году до н. э. принял предложение македонского царя Филиппа и стал наставником его сына Александра. Аристотель вёл философские диспуты, своеобразные лекции — беседы с учениками в роще Ликеон (отсюда пошло название «ликей» или «лицей»).

Но вернёмся к рисунку, вернее, к его верхней части. Вокруг головы, можно сказать, и на голове Ипсиланти оригинальным способом «три в одном» изображён мужчина с волевым взглядом и с редкой бородкой. Греческий профиль, соединяясь с правой половиной лица, образуют анфас этого же человека. Причём бородка, продолжаясь, смыкается и превращается в пышную причёску на голове у юноши с ямочкой на подбородке. При этом правая половина лица самого юноши смыкается с изображениями в профиль и в полуанфас того же юноши. И опять мы видим изображение «три в одном», но уже с использованием иных составляющих. Причёска юноши, попадая на лицо волевого мужчины, переходит в бородку, как бы говоря о том, что перед нами изображён один и тот же человек, то есть эти шесть изображений, или две триады, относятся к одному и тому же человеку. Юноша с симпатичной ямочкой на подбородке, прекрасной пышной причёской и задумчивым углублённым взглядом превратился в волевого мужчину.

Кого же сравнивал Пушкин с незадачливым полководцем Ипсиланти и кого ставил ему в пример? Есть основания предположить, что над головой вождя греческого восстания князя Ипсиланти изображён не кто иной, как великий, не знавший поражений, греческий полководец Александр Македонский. «Александр Македонский был первым греком, не носившим бороды. Может быть, она у него не росла. Редкую бород-

ку, которую мы видим у 23-летнего Александра на мозаике, он вскоре, очевидно, сбрил. И с тех пор в Греции и Италии все мужчины, кроме философов, перестали носить бороду» [6, с. 39].

Исследователи проблемы отметили, что двадцатидвухлетний опальный поэт рисует «лицеиста», ученика Аристотеля, своего ровесника, успевшего стать в этом возрасте и воином, и царём. Рисует человека, о котором до сих пор помнит мир. В двух триадах, плавно перетекающих одна в другую, изображён принц-наследник, император, полководец, человек, присвоивший себе божественное происхождение.

В христианстве и в других религиях мира встречаются подобные изображения Троицы и триад. Подобные, но не такие. Пушкин и в этом новатор.

О самом Александре Македонском поэт упоминает всего лишь один раз:

*«...И уж Александра Македонского,
Этого не обойдёшь, не объедешь,
Надо помянуть...»*

А. С. Пушкин, 1833 г.

Список использованных источников

1. Долженко В. А. Масонский рисунок Пушкина. Генерал или полковник? // Сборник «Дни Ришелье в Гурзуфе». Третья международная научно-практическая конференция. Материалы. — Симферополь, 2013. — С. 52–55.
2. Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: каталог атрибуций. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — 433 с.
3. Любавин М. А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. — СПб.: Сударыня, 1997. — 187 с.
4. Сыромятникова Н. С. История причёски. — М.: Искусство, 1989. — 230 с.
5. Фомичев С. А. Графика Пушкина. — СПб.: Пушкинский Дом, 1993. — 112 с.
6. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. — М.: Прогресс, 1981. — 303 с.

С. М. Дремлюгина

Гурзуф

Тема Отечественной войны 1812 года в экспозиции музея А. С. Пушкина в Гурзуфе

Музей А. С. Пушкина расположен в доме герцога Ришелье, где на исходе лета 1820 года жил Пушкин вместе с семьёй героя Отечественной войны 1812 года, генерала от кавалерии, корпусного командира и кавалера Николая Николаевича Раевского. Поэтому тема Отечественной войны 1812 года нашла своё отражение в экспозиции музея. «Память его драгоценна Отечеству; имя его вечно будет славно в Русской Армии, а жизнь принадлежит Истории» — так характеризовал Николая Раевского граф М. Ф. Орлов [1].

В 1812 году Н. Н. Раевский заслужил благодарность Отечества своими подвигами. В начале решительного движения русской армии на Париж, Н. Н. Раевский встретился с армией Бонапарта под Арлисом. После кровопролитной битвы Раевский входит в город и преследует неприятеля на Витри. Затем атакует у Фер-Шампениаза, а на следующий день состоялся последний кровавый бой, решивший участь Наполеона [3].

Таковы были подвиги Раевского в Отечественной войне 1812 года. В войне, в которой участвовали армии всех просвещённых народов. Раевскому судьба определила под Смоленском, в Даниловке, и в Париже нанести первый и последний удар Наполеону и заслужить от благодарного потомства надгробную надпись, которая ни к какому другому имени, кроме имени Раевского, применена быть не может:

*«Он был в Смоленске щит,
В Париже меч России» [2].*

Безусловно, экспонаты музея раскрывают эту тему, при этом особое внимание заслуживают иллюстрированные издания этого периода. Среди них журнал «Сын Отечества», «Азбука для детей 1812 г.» с так называемой политической карикатурой.

Исторические факты гласят, что в первые месяцы Отечественной войны 1812 года была создана специальная типография, главной целью которой была пропаганда среди населения и армии. Художники обратились к тогда ещё не очень распространённой для России форме художественного воздействия на общество: сатирическим карикатурам на Бонапарта и его армию. Всего было создано более 200 произведений, большая часть из них не подписана, авторство неизвестно.

Известно, что до 1812 года в России не было карикатур на Наполеона. Есть мнение, что Александр I запретил сатирические выпады в сторону Бонапарта. Кроме того, до войны авторитет Наполеона был очень высок, особенно среди молодёжи.

Тем не менее в Петербурге возникает братство художников, связанных личной дружбой. Именно они стали авторами самых знаменитых карикатур на тему войны 1812 года.

На волне патриотического подъёма, охватившего русское общество во время войны с Наполеоном, в Петербурге в 1812 году появился журнал «Сын Отечества». Создателем, редактором и издателем был преподаватель словесности петербургской гимназии и секретарь цензурного комитета Н. И. Греч. Н. И. Греч вспоминал, что его «сумасшедшая» идея была поддержана сначала С. С. Уваровым, товарищем министра образования народного просвещения, а затем царской семьёй, которая оказала начинающему журналисту финансовую поддержку в 1000 рублей (т. е. два годовых жалованья рядового чиновника). В каждом номере «Сына Отечества» публиковались воззвания и статьи, укреплявшие дух патриотизма, гордости за героические традиции России. Образ противника рисовался в сатирической окраске, что подчёркивалось публикацией политических карикатур художника Венецианова, Тербенёва, Богучарова и др. Потребность в оперативности обусловила еженедельную периодичность. Журнал был тепло принят русской литературной общественностью и читателями. Выходил по четвергам. Содержание, жанры, иллюстрации «Сына Отечества» служили главной цели — пробуждение в сердцах читателей патриотических чувств. Война трактовалась как освободительная борьба народа за национальную независимость.

В экспозиции нашего музея представлен № 19 за 1813 год с иллюстрированным вкладышем — карикатура М. Богучарова «Ретирада французской армии» с комментариями на ней: «Военное одеяние Французской гвардии, во время как большая армия свободно производила попятное движение своё от Москвы к Вильне, за Вислу, Одер, Ельбу и проч.; рисовано с натуры в конце 1812 года под Вильно».

Заглавие второй карикатуры «Бивак Французских войск, под Вильно, на попятном пути рисовано с натуры, в конце 1812 г.». Автор этих карикатур М. Богучаров известен в начале XIX века как рисовальщик и гравёр по меди, служил швейцаром у А. Оленина. Известно о 23 его работах.

Значительный интерес представляет издание для детей «Азбука 1812 г.», более известное как «Теребенёвская азбука». Полное название — «Подарок детям в память о событиях 1812 года». Автор «Азбуки», скульптор Иван Иванович Теребенёв (1780–1815), завоевал всенародную

славу графическими листами на темы Отечественной войны 1812 года. Ему принадлежат более полусотни сатирических рисунков, популярных в самых широких кругах русского общества.

И. И. Теребенёв создал около сорока злободневных, действенных и интересных в художественном отношении картинок-карикатур, на основе которых и была создана детская азбука.

Эти картинки-карточки были выгравированы в конце 1814 года офортом в 1/16 долю листа и раскрашены акварелью вручную.

Цель карточек — раскрыть перед глазами ребёнка картину только что минувшей войны. Повествовали они о мужестве и находчивости простых русских людей. Высмеивали трусость, мародёрство, постыдное бегство французских солдат. Таким способом дети учились патриотизму, учились презирать захватчиков, посягнувших на национальную независимость России.

Из картинок «Азбуки» дети узнавали о многочисленных примерах героизма и самоотверженности. Например: лист с буквой «А» — старик, притворившийся глухим, чтобы не выдавать французам, где скрываются его односельчане, укрывшиеся от врага в лесу.

Карточка с буквой «И» — изображение старостихи Василисы, которая, командуя своим крестьянским войском, вооружённая лишь косой, берёт в плен французам.

Стихотворные надписи под картинками «Азбуки», возможно, принадлежат перу И. И. Теребенёва.

Научившись читать благодаря такой «Азбуке», дети не только знали о том, что такое война 1812 года, но и чувствовали себя соучастниками той победы. Это был великолепный опыт воспитания патриотизма.

Для нас эти экспонаты являются важными объектами раскрытия героической, патриотической тем Отечественной войны 1812 года.

В современном мире отмечается неуклонный рост интереса к историческому прошлому, произведениям искусства минувших столетий. Журнал «Сын Отечества», «Теребенёвская азбука 1812 г.» напоминают всем посетителям экспозиции о первом плодотворном опыте русской политической сатиры, вызванной к жизни «грозою двенадцатого года».

Список использованных источников

1. Бухаров В. Г. Образы Раевских: Фотоальбом. Благотворительный фонд им. Раевских, КОД. — 2011.
2. История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. — М.: Высшая школа, 1973.

Э. Б. Петрова

Симферополь

Историко-архитектурные памятники крымского Южного бережья в художественном творчестве В. О. Руссена

Викентий Осипович Руссен (1823/4 — после 1892) — феодосийский художник, о котором говорят очень редко и обычно называют «малоизвестным крымским художником». Между тем в Государственном архиве в АРК хранятся несколько формулярных списков о службе Руссена и другие документы, до сего времени остававшиеся совершенно неизвестными специалистам [ГААРК. Ф. 100. Оп. 1; Ф. 195. Оп. 1]. Благодаря этим материалам мы получили возможность узнать об уникальном человеке — художнике, краеведе, педагоге, своим творчеством и подвижничеством обогатившим культуру Крыма XIX столетия.

Викентий Осипович Руссен родился в 1823-м или, что более вероятно, в 1824 году [ГААРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 697. Л. 83–83 об., 92; Д. 710. Л. 289 об., 290; Д. 728. Л. 27 об, 28; Д. 730. Л. 67–68; Д. 745. Л. 62–62 об., 63 об., 64 об., 68, 69, 178, 187; Д. 771. Л. 133 об., 134; Д. 790. Л. 131 об., 132; Ф. 195. Оп. 1. Д. 1893. Л. 25 об.; Д. 2135. Л. 1; 2139. Л. 1], был уроженцем Таврической губернии, скорее всего, родился в Феодосии, происходил из семьи французских подданных. Римско-католического вероисповедания. Родового поместья не имел. С 1 августа 1835 по 28 июня 1839 года обучался в Феодосийском уездном училище [2]. Рисование и история стали любимыми занятиями Руссена уже в детские и юношеские годы.

В дальнейшем Викентий Руссен «выдержал испытания в Симферопольской гимназии на учителя рисования, черчения и чистописания в уездных училищах» и получил соответствующее свидетельство от Императорской Академии художеств от 28 августа 1844 года. А 14 января 1846 года Одесским учебным округом был «определён» на службу учителем рисования, черчения и чистописания в Перекопское уездное училище [помимо формулярных списков В. Руссена см. также документы: ГААРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 681. Л. 1, 2, 10–10 об., 11–12, 29 об.]. Получил мизерное жалованье — 17 руб. 16 коп. серебром. То ли по этой, то ли по другой причине очень скоро Руссен подал прошение о переводе его на такую же должность в Феодосийское уездное училище. Ис 25 января 1847-го по 2 сентября 1856 года работал учителем рисования, черчения и чистописания в родном ему училище в Феодосии. Получает

штатное жалованье — 57 руб. 18 коп. в год, из экономической суммы училища — ещё 60 руб., квартирные (от городской думы) — 20 руб., вскоре увеличенные до 45 руб.

4 октября 1849 года в Таврическом губернском правлении В. О. Руссен принимает присягу на подданство России и, видимо, в этом же году приобретает совместно со своими братьями небольшой одноэтажный каменный дом в Феодосии. Из формулярных списков Викентия Осиповича следует, что с начала службы — с 14 января 1846 года — он «был утверждён» в чине коллежского регистратора (14-й класс Табели о рангах), а 14 декабря 1851 года за выслугу лет получил более высокий чин губернского секретаря (12-й класс). В эти годы он много ездил по Крыму, рисовал, помогал заведующему Феодосийским музеем древностей Евгению Францевичу де Вильнёву в его делах по охране памятников в Феодосии и её округе, в подготовке к публикации альбома с историческими и живописными видами Тавриды.

Работа художника в училище в годы Крымской (Восточной) войны была по достоинству оценена: 20 апреля 1855 года «для облегчения нужд по случаю бывших военных событий» он получил из экономической суммы училища единовременное пособие в размере двухмесячного жалованья, а 10 апреля 1858 года удостоился темнобронзовой медали на Андреевской ленте в память о войне 1853–1856 годов [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2135 (=Д. 2139). Л. 1 об., 2 об., 3 об., 4].

Впрочем, сразу по окончании войны он уволился из училища и Высочайшим приказом от 3 сентября 1856 года был переведён «по его просьбе» на вакансию столоначальника правления Феодосийского центрального карантина и вскоре получил за выслугу лет чин коллежского секретаря (10-й класс) [ГААРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 842. Л. 134, 152, 154, 195–195 об., 197–197 об., 260; Ф. 195. Оп. 1. Д. 1666. Л. 9, 60 об., 6, 79 об., 87 об.; Д. 2135 (=Д. 2139). Л. 2 об., 4]. Руссен был молод и принял столь серьёзное решение, определившее всю его дальнейшую судьбу, наверное, неспроста и, вполне возможно, не без влияния Вильнёва, хорошо знавшего работу в карантине (он был постоянным членом его правления).

30 апреля 1858 года В. О. Руссен был «перемещён на вакансию переводчика» Феодосийского карантина [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2135 (=Д. 2139). Л. 3 об., 4]. Переводчиком он оставался до конца карантинной службы и за выслугу лет постепенно повышался в чине: с 3 сентября 1859 года он значится титулярным советником (9-й класс), с 1 января 1867 года — коллежским ассессором (8-й класс) [Там же]. Его жалованье составляло 294 руб. (за вычетом двух процентов, без вычета — 300 руб.), столовые — 148 руб. 50 коп., квартирные — 90 руб.; итого: 532 руб. 50 коп. в год [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1817. Л. 13 об., 56;

Д. 1828. Л. 13 об., 71 об.; Д. 1866; Д. 1874. Л. 42, 45, 72 об.; Д. 1893. Л. 25 об., 48; Д. 1895. Л. 19 об., 63; Д. 1924. Л. 3 об., 5 об., 11 об., 16 об., 44 об.; Д. 1927. Л. 13 об., 56; Д. 1951; Д. 1993. Л. 12 об., 20, 23, 27 об., 33; Д. 1977. Л. 22; Д. 2053. Л. 28, 30; Д. 2135. Л. 1 об.]. 17 января 1871 года Викентий Осипович обратился к начальнику карантина с прошением назначить положенную ему сверх жалованья пенсию в половину его оклада за 25-летний срок службы, каковую и получил в размере 150 руб. в год [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1848. Л. 1–4, 6–7]. С 15 января 1881 года за 35 лет службы ему назначили пенсию уже в размере жалованья, которое составляло 300 руб. (без вычета двух процентов), так что общая сумма его дохода в год составила 840 руб. [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2135. Л. 1 об., 3 об., 4 об., 5]. 22 сентября 1881 года «за усердную и беспорочную службу в классных чинах» В. О. Руссен был объявлен кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени; 22 августа 1888 года за 40-летнюю беспорочную службу — «пожалован знаком отличия» [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1977. Л. 22; Д. 1993. Л. 23; Д. 2053. Л. 30; Д. 2135. Л. 1 об., 4 об., 5].

Из документа, датированного 1876 года, и формулярного списка Викентия Осиповича за 1891 год следует, что он по-прежнему владел совместно с братьями одноэтажным домом в Феодосии и вдобавок ещё имел виноградный и фруктовый сад на 12 десятинах [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1893. Л. 25 об.; Д. 2135. Л. 1 об.].

В бумагах карантина разных лет — с 1847 по 1891 год — Руссен назван холостым [см. например: ГААРК. Ф. 100. Он. 1. Д. 697. Л. 92; Д. 730. Л. 68; Д. 745. Л. 69; Ф. 195. Он. 1. Д. 1893. Л. 48; Д. 2135. Л. 2].

В архивных документах Феодосийского карантина сохранился рапорт Викентия Осиповича от 3 июля 1892 года, в котором говорится, что он болен и на время болезни не может исполнять служебные обязанности [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2145. Л. 34, 35]. И уже 1 августа этого же года Руссен обращается к начальнику карантина с просьбой освободить его от службы по состоянию здоровья [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2145. Л. 41, 42]. В связи с этим составляется его формулярный список [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2135, 2139]. Приказом Таврического губернатора от 18 августа 1892 года коллежский асессор В. О. Руссен был уволен от занимаемой должности [ГААРК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2146. Л. 20–22, 23–23 об.].

Неизвестно, как долго прожил Викентий Осипович после ухода со службы. Своей семьи у него не было, но были близкие ему люди — братья, их дети, внуки. Род Руссенов был связан с Феодосией на протяжении длительного времени. Сохранился их дом на ул. Чехова, 3 (но трудно сказать, тот ли это дом, в котором с братьями жил В. О. Руссен, или, быть может, вновь построенный на том же или другом месте).

Для нас представляет интерес художественное творчество Викентия Руссена. На его творческом почерке, выборе сюжетов должна была сказаться особая духовная атмосфера Феодосии — города, в котором с 1845 года постоянно жил И. К. Айвазовский. Они были знакомы. Не исключено, что Иван Константинович помогал Руссену советами.

Знакомство В. О. Руссена с Е. Ф. де Вильнёвом произошло по приезде последнего в Феодосию — не ранее лета 1848 года. Их многое связывало — образованность, любовь к истории, к Крыму, памятникам прошлого, забота об их сохранности. Они жили в маленьком городе и могли часто видаться, осматривать древние руины Феодосии, вместе выезжать за пределы города для осмотра и зарисовок архитектурных памятников, копирования древних надписей. Викентий Осипович был помощником Евгения Францевича во время его археологических исследований в Феодосии и за её пределами. Из письма Вильнёва от 3 января 1850 года известно, что Одесское общество истории и древности (ООИД) решило вознаградить Руссена за бескорыстное подвижничество и выделило ему 25 руб. серебром [ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 40. Л. 4]. А 5 июля 1850 года Вильнёв писал секретарю ООИД Н. Н. Мурзакевичу: «...Я получил 50 руб. серебром, которые Общество отправило для археологических поисков в Старом Крыму. Мне ничто не мешает начать работу в следующем месяце... Я Вас также прошу... испросить отпуск на 15 дней Руссену, учителю рисования местной феодосийской школы, чтобы он сопровождал меня в Старый Крым» [ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 40. Л. 14 об.]. Вместе друзья задумали издать альбом с видами Крыма и на протяжении нескольких лет готовили для него материалы: Вильнёв как историк готовил текст, Руссен — иллюстрации [5].

Литографии в альбоме выдают в их авторе хорошего мастера. По-видимому, в своё время произведения Викентия Руссена пользовались успехом. А. Л. Бертъе-Делагард отмечал, что в собрании Одесского музея древностей хранятся литографии Руссена 1843 и 1849 годов [1, с. 41, 42, 57]. В библиографическом указателе А. И. Маркевича перечислены произведения Руссена 1843 года, хранившиеся в библиотеке ООИД, с изображением мечетей Феодосии, Бахчисарая, Евпатории, Старого Крыма и Карагоза — это те же рисунки, что фигурируют в каталоге Бертъе-Делагарда [3, № 6555].

Шесть карандашных рисунков Викентия Руссена были переданы Одесским музеем Феодосийскому краеведческому музею (так некоторое время назывался Феодосийский музей древностей) после Великой Отечественной войны. Это часть тех произведений нашего художника, которые попали в ООИД в середине XIX столетия. На одном рисунке — мечеть в деревне Колечь-Мечеть, на остальных — так называемая мечеть Узбека и медресе в городе Старый Крым.

Альбом, изданный Е. Ф. де Вильнёвом и В. О. Руссеном, состоит из двух частей. Первая — описание иллюстраций — подготовлена Вильнёвом. Он исследовал целый ряд архитектурных памятников средневекового Крыма и описал их настолько подробно, насколько ему позволили условия их осмотра и те письменные источники, которые были в его распоряжении. При описании памятников он иногда опирается на свидетельства своих предшественников, но чаще всё же знает их не с чужих слов. В этом смысле его комментарии к литографиям близки сочинениям путешественников по Крыму конца XVIII — 1-й половины XIX века. Между тем далеко не все путешественники имели возможность, как Вильнёв, не просто бегло осмотреть тот или иной памятник, но долго его наблюдать и исследовать. Не без того, что в его тексте встречаются неточности и даже ошибки, но это связано не с его некомпетентностью, а с уровнем научных знаний того времени. Описания литографий, сделанные Евгением Францевичем, содержат ценные сведения по истории, искусству и археологии Крыма и являются для нас историческим источником, до сих пор не использовавшимся специалистами.

Вторая часть альбома — иллюстративная. Здесь карта с поясом укреплений Каффы-Феодосии, три литографии И. К. Айвазовского с видами Феодосии, Севастополя и Керчи, схематический рисунок керченского храма св. Иоанна Предтечи (по-видимому, сделанный инженером Е. Флавьеном) и 35 литографий В. О. Руссена с видами и историко-архитектурными памятниками Феодосии, Карагоза (с. Первомайское, Кировский район), Судака, Алушты, Гурзуфа, Инкермана, Балаклавы.

Литографии Викентия Руссена близки произведениям с видами Крыма, созданным крымскими и приезжими — российскими и зарубежными — художниками в конце XVIII — 1-й половине XIX века. В моде было романтическое направление пейзажной живописи. Стремясь передать «портрет» местности, мастера не отказывались от определённой идеализации. Не всегда рисовали понравившиеся виды с натуры, чаще писали их по памяти. Творческий почерк Руссена вписывается в это направление. Нужно учитывать и то, что феодосийцу Руссену было близко творчество И. К. Айвазовского, как известно, внёсшего существенный вклад в развитие романтического пейзажа. Общение с выдающимся художником не могло не сказаться на его манере письма.

Творческая натура нашего художника и тяга к романтическому осмыслению пейзажа и архитектурных руин придавали некоторым его произведениям оттенок фантастичности. Порой или даже часто он писал не с натуры. В художественной манере Руссена прослеживается также некая пасторальность: фигурки людей и пасущихся животных подчёркивают мирную безмятежность, характерную для изображаемых им мест, причём с проекцией на далёкое прошлое. В результате в его литографиях

не всегда представлена реальная картина, есть искажения (впрочем, МЫ ведь судим об ЭТОМ, исходя из того, что видим сегодня, а это далеко не всегда совпадает с реалиями середины XIX века). В особенности это чувствуется в произведениях с изображением нефедосийских мест, то есть тех, в которых он бывал не часто, ведь в те времена ездить по Крыму было не очень комфортно, да и оставаться подолгу в одном и том же месте вряд ли он имел возможность. А Феодосию Руссен знал блестяще, что и выразилось в более реалистичном изображении её видов и наиболее примечательных архитектурных памятников.

При всём том нельзя сказать, что произведения В. О. Руссена существенно искажают реальную картину — нет, они дают нам представление о том, как выглядели памятники крымского зодчества в середине XIX столетия, а при сопоставлении с иными живописными произведениями и письменными источниками даже позволяют восстановить их прежний облик (в особенности это касается тех памятников, которые до нашего времени либо не сохранились, либо дошли в сильно руинированном виде).

Не исключено, что Е. Ф. де Вильнёв пришёл к мысли подготовить альбом с видами Крыма и его историко-архитектурными памятниками под влиянием понравившихся ему рисунков Руссена, которые тот начал делать ещё до приезда Вильнёва в Феодосию. Обычно в литературе их датируют 1840-ми годами, начиная с 1843-го. Но Руссен мог сделать часть рисунков и позже, уже специально для альбома, который издавался с 1853 года. Понимая, что публикация такого издания потребует затраты немалых сил и средств, Евгений Францевич задумал выпустить его не целиком, а отдельными частями — тетрадями, или, как он их называет, «выпусками». Это следует из «Проспекта», который Вильнёв написал 15 января 1857 года с целью дать некоторые пояснения для тех, кто пожелал или пожелает приобрести альбом. «Проспект» был отпечатан в одесской типографии в виде отдельного листа. Этот лист-вкладыш подшивался в альбом, когда отдельные его тетради переплетались в библиотеках под общей обложкой.

В «Проспекте» сообщается, что для альбома подготовлено сто иллюстраций и что они будут распределены по «выпускам», в каждом — по четыре иллюстрации с пояснительным текстом. Всего планировалось издать 25 «выпусков», которые должны были появляться каждые два месяца. Однако в 1853–1854 годах вышли в свет только пять тетрадей с двумя десятками иллюстраций. Вильнёв говорит, что публикацию альбома прервали «политические события последних лет». Но «Проспект» писался им в 1857 году, после войны, и Вильнёв выражал уверенность в том, что публикация отдельных «выпусков» альбома будет продолжена. Ещё пять тетрадей с двадцатью иллюстрациями появились

в последующие годы. Но весь альбом так и не был выпущен. Публикация десяти тетрадей с четырьмя десятками таблиц завершилась, по видимому, к 1858 году (или в 1858 году) [ср.: 4, с. 156, 162].

Что же предполагалось опубликовать в так и не увидевших свет частях альбома? Об этом Евгений Францевич сообщает в «Проспекте»: «Нам первым предстоит воспроизвести... памятники средневековья, дать план, который ранее не был снят, и Каффы, и Солхата или Эски-Крыма. Руины Византийской империи, монастырей, церквей, внутренних частей церквей, дверей церквей, синагог, мечетей, могил, бань, фонтанов, башен, крепостей и т. д.», «барельефы, фигурки, античные вазы, генуэзские гербы, надписи, которые находятся в музее Феодосии», а чтобы «соединить настоящее и будущее» — добавить «памятники Долгорукову, Казарскому, виды Ореанды, Алупки, Ливадии и т. д.».

Примечательно, что автор и художник намеревались поместить в последующих «изданиях» изображения не только памятников зодчества, но также музейных экспонатов эпохи Античности и Средневековья (скульптурок, ваз, барельефов, генуэзских гербов, надписей), видов Южнобережья, памятников князю В. М. Долгорукову в Симферополе и А. И. Казарскому в Севастополе. Для этого Вильнёву и Руссену понадобилось объездить многие города и селения Крымского полуострова. К сожалению, выходу в свет всех подготовленных для публикации частей альбома помешали какие-то неизвестные нам обстоятельства, скорее всего, связанные с трудностями послевоенного времени.

Альбом Е. Ф. де Вильнёва и В. О. Руссена давно стал раритетом. Единичные его экземпляры, имеющиеся в российских, украинских и зарубежных библиотеках, сохранились не в полном виде. Книга выходила частями в течение нескольких лет, и не во все библиотеки, пожелавшие её приобрести, попали все десять её «выпусков». Нужно учесть, что публикация альбома пришлась на годы войны, что могло отразиться и на количестве подписчиков, и на численности дошедших до нас экземпляров альбома, который издавался во Франции, входившей в коалицию государств, воевавших с Россией. Удивительно, что Вильнёву удалось выпустить альбом в Париже в такое время! Наверное, это было непросто. Вполне возможно, в этом Евгению Францевичу помогли его родственники, жившие во Франции.

Историко-архитектурные памятники Южнобережья представлены в альбоме двумя изображениями, сделанным Викентием Руссеном в Алуште и Гурзуфе.

На первом из них — замечательный пейзаж с буйством зелени на переднем плане, на заднем плане — мягкие холмы и два горных пика (гора Кафель и часть горного массива Бабуган), по центру — небольшое селение с низкими домиками и возвышающимися над ними

тремя башнями средневековой крепости Алустон и церковью во имя Феодора Стратилата. Нельзя сказать, что художник в точности передал вид одного из лучших мест крымского Южного берега. На самом деле вершины гор не столь остры, да и расположение горных массивов не совсем такое. Морской берег получился обрывистый, и нет намёка на галечные пляжи. Но нас больше интересуют башни и церковь. Изображены они мелко, деталей почти не разобрать. И всё же...

Византийский историк Прокопий Кесарийский в трактате «О постройках» (около 560/561 г.) донёс до нас информацию о строительной деятельности в Крыму Юстиниана I Великого, управлявшего Византийской империей в 527–565 годы: «Он воздвиг... два укрепления, так называемые Алуста и в Горзувитах» [6, с. 249].

Во второй трети VI века византийцы, защищая свои владения в Крыму, построили здесь, по словам Прокопия, длинные стены, перекрывшие горные проходы, и ряд сторожевых крепостей, в том числе Алусту (Алустон) и Горзувиты. Крепость Алустон находилась в 200 м от моря, на вершине Крепостной горки (высота — 44 м) и занимала площадь в 0,25 га. Археологическими раскопками выявлена часть довольно мощной оборонительной стены этого времени (её высота — 7–8 м, толщина — около 2 м). Рядом с укреплением вырос посёлок, в X–XV веках превратившийся в небольшой город. В последующие столетия крепость переходила из рук в руки, её разрушали и перестраивали. В X веке она занимала площадь в 0,73 га.

Но самые большие строительные работы после византийцев здесь провели генуэзцы, в чьих руках крепость и город Луста находились с 80-х годов XIV века по 70-е годы XV века. Они возвели внешнюю линию обороны — четыре куртины и три разные по форме башни. Теперь укрепление состояло из двух линий обороны — цитадели (на месте бывшей византийской крепости — генуэзцы использовали остатки её стен) и внешнего пояса — и занимало площадь в 1,18 га [7, с. 27; 8, с. 140]. Некоторые исследователи предполагают, что в 70-х годах XV века крепость и город оказались под контролем враждовавшего с генуэзцами княжества Мангуп-Феодоро, другие не исключают того, что Луста в это время подчинялась одновременно двум хозяевам — и генуэзцам, и феодоритам [8, с. 179; 9, с. 18]. В 1475 году крепость была взята штурмом турками. Они сожгли и её, и город. Восстанавливать укрепление не стали, и оно постепенно ветшало, к башням и стенам начали пристраивать новые простенькие постройки. Луста превратилась в деревушку.

Алуштинскую крепость, кажется, не обошёл вниманием никто из путешествовавших по Крыму в конце XVIII — первой половине XIX века. В то время на поверхности возвышались три башни её внешней линии оборо-

ны: Ашага-Куле — «Нижняя», угловая башня, она круглая; Орта-Куле — «Средняя», прямоугольная; Чатал-Куле — «Рогатая», шестигранная (видимо, около этой башни находились крепостные ворота). Первоначальная высота башен — 20–22 м, толщина их стен — от 2 до 3 м. Первая из них, «Нижняя», ближе других расположенная к морю, частично была разрушена в начале XIX столетия, и тем не менее она вместе с примыкающими к ней участками оборонительных стен до сих пор является главной достопримечательностью Алушты. Ныне её высота — 16 м, диаметр — около 10 м. Благодаря археологическим раскопкам на небольшую высоту вышла из-под земли вторая башня, «Средняя». Третья, «Рогатая», наполовину обрушилась ещё в 1830 году, а в 1871-м была полностью разобрана.

Крымские археологи раскопали отдельные участки оборонительных стен (первоначальная их высота — 11–11,5 м, толщина — от 1,7 до 2 м) и бывшие внутри крепости постройки — цитадель (в юго-западном углу крепости), христианские храмы (в цитадели), жилые кварталы. Как выяснилось, крепость была небольшой, но на редкость мощной.

На литографии Руссена три башни крепости Алустон довольно высокие (каковыми они и были в его время), однако он нарисовал их схематично, явно не стремясь к точной передаче форм. А вот храм, несмотря на то, что он, как и башни, изображён в глубине картины да ещё закрыт зеленью в нижней своей части, прорисован детальнее. Видны составляющие его объёмы, вытянутые вверх готические формы, обозначены некоторые детали внешнего интерьера и стрельчатой колокольни. Эта церковь святого Феодора Стратилата, покровителя царствующего дома Романовых, — ещё одна достопримечательность города Алушты.

Храм был возведён на Крепостной горке, недалеко от древней крепости, в 1837–1842 годах. В его строительстве активное участие принимал князь М. С. Воронцов, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии. Идя навстречу его вкусам, одесский архитектор Георгий Торричелли спроектировал православную церковь в стиле эклектики, с использованием элементов готики — стрельчатые окна, дверные проёмы и пр. Здание однефное, крестовое, с трёхъярусной колокольней над притвором.

В 1930-х годах храм был закрыт. В годы Великой Отечественной войны его на время открыли, а в дальнейшем превратили в клуб, колокольню снесли, здание перестроили. В конце 1980-х церковь начали восстанавливать. В 1989 году возрождённый храм, существенно изменивший свой первоначальный облик, был освящён во имя Всех Крымских святых и святого великомученика Феодора Стратилата и с тех пор является действующим.

Красивейший вид запечатлел Викентий Руссен у знаменитой Медведь-горы (Аю-Даг), в районе деревни Юрзуф. В центральной части

литографии — компактно расположенные низенькие домики, сбегаящие с горы к морю и упирающиеся в пирамидальную скалу Дженеvez-Кая с древней крепостью. Справа, в море, — скалы-близнецы Адалары. Их три, а не две. Это можно объяснить тем, что с определённой точки берега так называемая скала Чехова, примыкающая к Дженеvez-Кая со стороны моря, и Адалары кажутся выстроенными в линию. Рисуя по памяти, художник воспроизвёл именно этот ракурс. Такое объяснение напрашивается, если сравнить литографию Руссена с изображениями того же вида в Гурзуфе другими живописцами, например, крымского художника Ф. Гросса: на его картине тоже три небольших скалы, но с той разницей, что одна из них — скала Чехова — примыкает к скале Дженеvez-Кая. Здесь, как и в других произведениях, Руссен дал волю фантазии: пропорции скал вытянутые, расстояния не соответствуют действительным.

Дженеvez-Кая по форме напоминает средневековый замок. Если очень внимательно присмотреться к литографии, то кажется, будто её вершины увенчаны башнями. И выступающая за Дженеvez-Кая более низкая скала (позже названная Шалыпинской) тоже как будто завершается башнями, наверху которых даже просматриваются зубцы. Наверное, башнями художник и хотел обозначить наличие древней крепости, руины которой можно было увидеть только вблизи, между тем на литографии Дженеvez-Кая изображена вдалеке, а на переднем плане — буйная зелень парка с возвышающимися стройными кипарисами и двухэтажный дом герцога А. де Ришелье, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, сооруженный в 1808–1811 годах и перестраивавшийся при последующих его хозяевах (ныне это здание Музея А. С. Пушкина).

70-метровая Дженеvez-Кая — скала-отторженец от Главной гряды Крымских гор. Название у неё тюркского происхождения и переводится как «Генуэзская скала». Так в названии сохранилась память о тех, кто возвёл на скале крепость-замок. Но генуэзцы были не первыми. Сторожевая крепость «в Горзувитах» так же, как и укрепление Алушта, рассказывает Прокопий Кесарийский, была сооружена по приказу византийского императора Юстиниана I в VI веке [6, с. 249]. Место для неё выбрали удачное: со скалы хорошо просматриваются бухта, долина, горы. А сама крепость, защищённая морем и отвесными скалами, была труднодоступной. Византийские крепостные сооружения были разрушены в VIII веке хазарами. В X столетии, после ухода хазар, восстановлены и служили цитаделью для выросшего рядом поселения, которое окружили внешней оборонительной стеной. В XIII веке её разрушили татаро-монголы. В XIV–XV столетии крепость перешла в руки генуэзцев. Здесь, как и в других местах на крымском побережье, они провели значительные строительные работы.

В 1950–1960-х годах исследованием Гурзуфского укрепления занимались крымские археологи и выявили немало интересного (эти работы были вызваны тем, что на скале, прямо на месте древней крепости, предполагалось строительство нового корпуса «Артека»). Как будто для него нельзя было найти другого места!) [10; 11, с. 9–13]. Крепость занимала очень небольшую площадь — всего в 0,059 га. Её форму продиктовал фортификаторам сложный рельеф скалы. Здесь можно было использовать несколько относительно ровных небольших площадок. Верхняя, или южная, — наиболее труднодоступная; её защищали две стены (длиной 6,4 м и 15 м, толщиной соответственно — 0,8 м и 1,2 м), на ней обнаружены остатки небольшого храма и цистерны для воды. Северная и средняя площадки составили единый комплекс оборонительной системы, включавший прямоугольную башню (толщина её стен — от 1,0 до 2,0 м) и семь куртин (самая короткая — 3,2 м, самая длинная — 20,4 м; толщина стен — от 0,5 до 4,0 м). На нижней площадке выявлены фундаменты жилых построек.

В 1475 году крепость штурмовали и почти полностью разрушили турки. В XVI—XVII веках они использовали её в качестве сторожевого форта.

Сейчас от древних укреплений на Джаневез-Кая сохранились лишь незначительные остатки, крепость потеряна для исследований, и виновно в этом не только время, но и люди, наши современники, не пощадившие руины далёких эпох и бездумно возведшие на скале артековские постройки.

Список использованных источников

1. Бертье-Делагард А. Л. Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей / Сост. А. Л. Б. Д. — Одесса, 1888.
2. Половецкий А. Исторический очерк Феодосийского уездного училища // ИТУАК. 1918. — № 55.
3. Таипса: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще / Сост. А. И. Маркевич. — Симферополь, 1894.
4. Тункина И. В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей (1771–1871). — Киев, 2011.
5. Album historique et pittoresque de la Tauride / Par E. De Villeneuve. — Париж, 1853.
6. Прокопий Кесарийский. О постройках (И, 7, 11) // ВДИ. — 1939. — № 4.
7. Мыц В. Л. Ранний этап строительства крепости Алустан // Алушта и Алуштинский регион в древнейших времен до наших дней. — Киев, 2002.
8. Мыц В. Л. Генуэзская Луста и капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион в древнейших времен до наших дней. — Киев, 2002.

9. Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв.: Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. трудов. — Киев, 2004.

10. Домбровский О. И. Крепость в Горзувитах. — Симферополь, 1972.

11. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» крымского побережья // Феодальная Таврика: Материалы по истории археологии Крыма. — Киев, 1974.

Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории (Москва).

ГААРК — Государственный архив в Автономной Республике Крым (Симферополь).

ГАОО — Государственный архив Одесской области (Одесса).

ИТУАК — Известия Таврической учёной архивной комиссии (Симферополь).

ООИД — Одесское общество истории и древностей (Одесса).

О. Ю. Ершова

Гурзуф

Б. В. Томашевский — исследователь «французского» Пушкина

Борис Викторович Томашевский, выдающийся филолог, человек разностороннего дарования, яркий и самобытный учёный, оставил большое литературное наследие. Он был историком литературы и лингвистом, теоретиком стиха и текстологом. В 1912 году Томашевский окончил Льежский университет (институт Монтефиоре) с дипломом инженера-электрика. В годы учёбы проявились и его филологические интересы: Томашевский слушал лекции в Сорбонне, занимался в Парижской национальной библиотеке. Здесь были заложены основы его глубоких знаний французской литературы. В круг научных интересов учёного входили французская литература XVII — начала XIX века, русская литература XVIII века, новая русская литература, поэзия начала XX века и прежде всего Пушкин.

Вернувшись в Россию в 1913 году, молодой учёный начинает работать в архиве Пушкинского дома, готовит реферат «Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века» для семинария С. Венгерова. Первые печатные работы Томашевского — о французских поэтах XVIII века, о произведении «Песни западных славян» Пушкина. В статье «Строфика Пушкина» (1958) Томашевский демонстрирует, как мастерски владел Пушкин художественным наследием, как смело распоряжался он строфическими формами, заимствованными у его русских и французских предшественников.

Тема «Пушкин и Франция» была постоянно в сфере внимания учёного, он посвятил ей больше тридцати своих работ (некоторые из них были объединены в сборник «Пушкин и Франция», вышедший в 1960 году) [1, с. 5–16].

Это обусловлено и субъективными интересами Томашевского, и особой ролью французской литературы в русской культуре первых десятилетий XIX века (Томашевский назвал эту роль «попутничеством»).

С точки зрения Б. В. Томашевского, роль французской культуры в жизни и творчестве Пушкина несоизмерима с ролью какой бы то ни было другой культуры. Различие здесь не только количественное. Главное различие — качественное. Французская литература для Пушкина не была, подобно, например, итальянской или английской, только совокупностью произведений, в той или иной мере достойных внимания, изучения

и прочтения. Франция была, кроме того, посредницей между русскими читателями и всей мировой литературой. Для Пушкина французский язык был вторым родным языком. Именно во французском переводе Пушкин читал итальянских авторов, хотя мог читать итальянцев и в подлиннике. На французском Пушкин читал Байрона и Шекспира в период своего увлечения ими и лишь позднее изучил английский язык настолько, что мог свободно читать на этом языке. По-немецки Пушкин читать не любил и Шлегеля читал во французских переводах, а позднее и Гофмана, Гейне. Также и античные авторы, и восточные были известны Пушкину преимущественно во французских переводах. Даже славянскую поэзию Пушкин считал возможным брать во французской интерпретации. Франция была передатчицей иных культур, иных национальных ценностей. Но эта передача не была механической. Дело не в том, что Пушкин лучше других понимал по-французски, чем на иных языках, и потому вынужден был обращаться к французским переводам. Дело в том, что самое обращение его к тому или иному факту иностранной литературы подсказано интересом к этому факту, возникшему во французской среде. Франция не просто передавала Пушкину те или иные ценности, она его заражала интересом к этим ценностям, возбуждала в нём внимание к этим ценностям.

В фондах музея хранятся рукописи Б. В. Томашевского, часть которых посвящена теме «Пушкин и Франция». Эти рукописи были переданы музею внучкой учёного в 2007 году. С 2008 года идёт работа по их изучению. Рукописи по теме «Пушкин и Франция» представлены тремя черновыми статьями в машинописном виде с рукописными исправлениями, дополнениями и вставками автора.

Первая рукопись — 30 листов (частично машинопись) — статья «Пушкин и Франция» датирована 22. III. 37 г., с вклейками, авторской правкой и дополнениями.

Вторая рукопись — перепечатка статьи с новыми дополнениями и изменениями, с частичной переработкой. К сожалению, последние листы и датировка отсутствуют.

Третья рукопись имеет название «Пушкин и французская литература» и является творческой переработкой двух предыдущих рукописей, где какие-то куски полностью дублируются, отдельные фрагменты изъяты, частично или полностью заменены и расширены. Окончание статьи повторяет, практически без изменений, концовку первой рукописи. Однако две последние страницы утрачены. Статья представляет собой материалы к книге «Пушкин и Франция», вышедшей в 1960 году.

Сравнивая опубликованные работы Томашевского с имеющимися у нас рукописями, сегодня мы можем определённо утверждать, что две первые рукописи являются рабочими вариантами статьи «Пушкин

и французская литература», которая была напечатана в сборнике «Литературное наследство» 1937 года [2, с. 657].

Кроме того, отдельная часть рукописей с пометкой «не публиковались» (вероятно, сделанной Николаем Томашевским, сыном учёного) — статьи о французских авторах: Вольтере, Корнеле, Ж. Жанене, Расине, Мольере.

Все работы отпечатаны на машинке, выправлены и дополнены автором, кроме статьи о Ж. Жанене, полностью рукописной. Вероятно, это подготовительный материал к главной статье о французской литературе, так как статьи написаны об авторах, наиболее связанных с творчеством А. Пушкина. Рукописи представляют огромный интерес, работа по их изучению продолжается.

Список использованных источников

1. Борис Викторович Томашевский. 1890–1957.: К 100-летию со дня рождения. — М., 1991. — С. 5–16.
2. Литературное наследство. — М., 1937.

Б. Красняков

Ялта

«Градоначальник здешний...»

Француз по происхождению, убеждённый роялист, генерал-губернатор, при котором Новороссия испытала истинный экономический подъём, приближённый самого Российского Императора, «отец» Одессы, выстроенной «буквально на гроши», и идейный основатель Никитского ботанического сада, потомок древнейшего и одного из самых влиятельных в истории Франции рода дю Плесси, с давних пор владевшего имением и землями, гордое название которых носили прославленный кардинал и его достойный потомок — герцог Арман Эммануэль дю Плесси де Ришелье, или — как он сам просил себя звать в России — Эммануил Осипович.

Его богатое наследие, Одесса — «южное окно» в Европу, торговая жемчужина России на Чёрном море, «которая слывет его [Ришелье] балованным дитятей», позволяет говорить о французском герцоге как об уникальной личности, гении экономики, правившим железной рукой, но вместе с тем снисходительным и последовательным в реформах; он шаг за шагом обеспечивал благополучие жителей Новороссии [1].

Из всех людей, имевших личное знакомство с этим во всех отношениях необычным чиновником особенно стоит выделить князя Ивана Михайловича Долгорукого, гостившего в 1810 году в Одессе, и, безусловно, графа Людовика де Рошешуара, неизменного спутника дюка де Ришелье на протяжении 9 лет. Оба этих господина имели привычку вести дневник в модном тогда стиле «путевых записок», которые сегодня являются ценнейшим источником сведений о Ришелье.

«Градоначальник здешний, о котором пространно буду говорить после, превеликий охотник до садов и пристрастен к здешним растениям: он с особливым тщанием требует, чтобы по некоторым улицам и перед домами рассаживали деревья... Дюк ни за что так не сердится, как за изломанное или испорченное дерево: я сам такой досады был свидетель». Не случайно именно с этих слов князь Долгорукий впервые вспоминает герцога Ришелье в своём «Путешествии...». Любовь Ришелье к красоте природы, стремление превратить Юг России в райский сад для высокопоставленных вельмож, активно обживавших новые земли с жарким климатом, впервые были воплощены в Одессе. Настоящей визитной карточкой города стали любимые белые акации дюка, привезённые из Италии, которые он лично вырастил в своём городском опытном ботаническом питомнике: «говоря о садах в городе, как умолчать

о хуторе самого Дюка, где всякий свободно гуляет, когда хочет... он сам его разводит... Сад Дюка есть совершенный образец того, что могут постоянные и пристрастные труды...» [1, с. 139].

Совсем немного погодя дюк де Ришелье, близко интересуясь развитием садоводства в Крыму, станет прямым инициатором создания Никитского ботанического сада на Южном берегу Крыма [2, с. 1–12].

Князь Иван Михайлович Долгорукий в 1810 году путешествовал Россией, целью своей взяв посетить Киев и особенно Одессу, желая развлечься и сменить «все дома, да дома, [что] наскучит и мудрецу». В последней ему довелось пробыть 8 дней. Князь неоднократно виделся с дюком и подробно записал впечатления от встречи, заметив в первую очередь, что «видно из всего, что очень любит тамошний край, и особливо Одессу», а заодно прибавил, что народ о градоначальнике говорит: «Дюк по делам и правлению вообще всеми похвывается за справедливость и бескорыстие. Но обе канцелярии его... никто не хвалит... Дюк любит преимущественно водиться с купечеством, сравнивает его с собой и нередко сажает выше гражданского чиновника самого незначущего купчишку... Праздников он не даёт вовсе... В приёмах холоден и недовольно вежлив. Так отзывается об нём народная молва!»

Московский гость не раз упоминал о необычной благосклонности Новороссийского генерал-губернатора к купечеству: «... Лучшее его общество в городе и за городом составляют купцы, и не всегда самые знатные...» Впрочем, тут же пояснено, что «торговля требует, чтобы это сословие людей было отличаемо, и от этого начало происходить короткое его [Ришелье] с ним обращение» [1, с. 160–161]. К слову сказать, герцог как-то раз примчался в Крым всего за день. Князь Долгорукий писал: «... Для него ничто не значит переноситься с места на место на самые большие расстояния... При мне он раза три в 8 дней делал подобные сюрпризы в городе...» [1, с. 166–170]. Связано это было с анатолийскими купцами, недовольными пошлинами и запретом на вывоз соли по причине её испорченности. Правда, не дождавшись разрешения сего недоразумения, купцы ещё до приезда генерал-губернатора вернулись восвояси.

А вот Леонтий Петрович де Рошешуар (подобно Ришелье, имя его адъютанта также имело своего рода перевод на русский язык), говоря в том числе и о вежливости своего покровителя, вспоминал в «Мемуарах...» о путешествии в Одессу, а позже и в Крым, Марьи Антоновны Нарышкиной, супруги обер-егермейстера Дмитрия Львовича и фаворитки самого Государя Александра I («Значение ея, хотя негласное, не уступало значению любимцев Екатерины Второй») [2]. Почётная гостья посетила и Гурзуф, аккуратно на новоселье в вилле герцога — первом здании в европейском стиле на Южном берегу Крыма. Дюк

де Ришелье был чрезвычайно учтив и галантен с гостьей в Крыму: «... Услужливый, находчивый, любезный Француз в ея обществе попал как раз в свою среду...» Судя по всему, Ришелье пригласил Марию Антоновну посетить лишь недавно введённые в обиход хозяйства Крыма Сакские грязевые лечебницы, предлагая ещё более укрепить здоровье её шестилетней дочери Софьи, ради которой была предпринята поездка. Такое предложение имело все шансы прославить Сакские грязевые лечебницы и соляные озёра в самых высоких кругах Петербурга и Москвы как настоящий курорт для высокопоставленных вельмож.

Состоя адъютантом при Ришелье, граф Луи Виктор Леон де Рошешуар, родственник герцога со стороны супруги, Александрин Розалии де Рошешуар, видел много достопамятного и всем своим дальнейшим успехам обязан своему великодушному покровителю, который полюбил его как сына. Что интересно, князь Иван Долгорукий, описывая своё первое впечатление, произведённое приглашением дюка отобедать у него дома, неоднократно подчёркивал, что Ришелье холост. Иронизировал, говоря о полуаскетическом образе жизни дюка?

А вот о личном общении с дюком писал так: «Он меня принял очень просто и без дальних чинов, и сам посетил меня раза с два; возил меня с собой... и всё любопытное с удовольствием мне показывал. Он ещё не стар... живёт очень просто и, не имея большого состояния, не много, думаю, проживает... Лишнего выпустит мало, по крайней мере, при людях сторонних... деятельность его неусыпна... ездит верхом прямо по-молодецки... Вот каков мне показался Дюк, когда я собственными своими глазами на него смотрел» [1, с. 170].

Князь Долгорукий, уезжая, как нельзя лучше охарактеризовал Ришелье: «Он не ласков, это правда, но я остался очень доволен его благосклонным со мной обращением».

Стоит отметить, что герцог де Ришелье — более беспримерный образец правителя от Бога. Аккуратный, даже педантичный, благородный аристократ до мозга костей, дюк де Ришелье одним лишь твёрдым словом сумел вернуть в городскую казну деньги и земли, присвоенные самым разношёрстным местным народом. Великодушный и честный, он чудом построил Одессу — «город из деревянной слободы» — на основе почти разбойничьей деревушки Хаджи-Бей и Никитский ботанический сад, используя исключительно наёмный труд, обладая при том мизерными грошами, которые уходили все на оплату труда, поскольку даже будучи непоколебимым монархистом, он не принимал гнусный порок российского самодержавия — крепостное право» [3, с. 66]. В одной шинели приехав, он вернулся во Францию в ней же, отдав бескорыстно все средства свои — 40 тысяч рублей — на борьбу с чумой и Наполеоном. Приехав без гроша, он вернулся, ничего с собой не взяв.

Герцог Ришелье — эталон бескорыстного слуги народа; именно таким должен быть каждый из тех, кто принял власть над народом. Ведь тот, кто властвует, на самом деле лишь первый из равных себе... [3, с. 67].

Сам Государь Александр I Павлович, который позже, уже во Франции, будучи восхищённым достижениями верного Ришелье в Новороссии, отправил ему орден Св. Андрея Первозванного, говаривал шутя: «Я обязан вечной благодарностью Французской революции: она дала мне таких людей, как герцог Ришелье...» [3, с. 73].

Список использованных источников

1. Долгорукий И. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. Сочинение князя И. М. Долгорукого. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете // И. Долгорукий / Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете. — М.: Университетская Типография на Страстном бульваре, 1870.
2. Рошешуар Л. Из воспоминаний графа Рошешуара. Извлечения. // Л. Рошешуар, П. Бартенев / Русский Архив. — М: Университетская типография, 1890.
3. Щербаков М. О. Никитский Ботанический Сад. Исторический Очерк // Записки Императорского Никитского Сада. Выпуск V. [Под редакцией Директора Императорского Никитского Сада М. О. Щербакова] / М. О. Щербаков. — Ялта: Типография Н. Р. Лупандиной, 1913.
4. Третьякова Л. Последний из рода Ришелье / Л. Третьякова, А. Полещук // Вокруг света. — 2001. — № 1 (2724). — С. 66–73.

Н. М. Макарухина

Санкт-Петербург

Судьба имения герцога де Ришелье на Южном берегу Крыма (по документам РГИА и ГАРК)

На первый взгляд, тема этого сообщения вызывает недоумение: вопрос кажется хорошо изученным. Но если мы обратимся к источникам, то встретим разночтения уже на первом этапе ответа на этот вопрос: каковы были размеры имения новороссийского генерал-губернатора герцога де Ришелье на Южном берегу Крыма и где оно находилось?

Ответ находим в Государственном архиве Республики Крым, в фонде Симферопольского уездного земского суда в деле «О вводе во владение разных лиц в купленные ими имения 1824–1826 годов». В записи под 12 января 1825 года читаем следующее: «По доверенности его Сиятельства господина Генерал–лейтенанта графа Воронцова отставной капитан Матвей Манто совершил в Таврической палате Гражданского суда истекшего 1824 года декабря в 22 день купчую крепость на купленное вверителем графом Воронцовым у полковника Стемпковского имение 279 десятин 1681 сажень с домом и прочими угодьями близ деревни Урзуф... ценою за 45 000 рублей» (ГАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 33) [1].

Как известно, полковник Иван Алексеевич Стемпковский после кончины в Париже 17 мая 1822 года герцога Армана де Ришелье наследовал всё его недвижимое имущество в России: в Одессе и Гурзуфе.

Казалось бы, ответы на эту часть вопроса есть: и размер имения, и его местонахождение на Южном берегу Крыма известны. Но в конце 80-х годов XIX века в связи с подготовкой к продаже имений в «Айданиле и Массандре Удельному ведомству этот вопрос вновь возник».

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге сохраняется Фонд 892 — Балашевы. Описание 1. Дело 1539 — «Крымские имения Балашевых. 1885–1895 годы». Екатерина Андреевна Балашева — внучка светлейшего князя М. С. Воронцова, дочь Софьи Михайловны Воронцовой, по мужу графини Шуваловой.

По духовному завещанию князя С. М. Воронцова (скончался 9 мая 1882 года) вся крымская недвижимость переходила в собственность его вдовы княгини М. В. Воронцовой, рождённой княгини Трубецкой, а «по её смерти все родовые имения его поступают в полную собственность племянницы... Екатерины Андреевны Балашевой» (РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1539. Л. 74 об.) [4].

9 марта 1889 года между М. В. Воронцовой и Е. А. Балашевой было заключено «добровольное соглашение». По этому соглашению «Св. Княгиня М. В. Воронцова отказывается навсегда в пользу Екатерины Андреевны Балашевой от принадлежавшего ей права пожизненного владения... двумя родовыми имениями Массандра и Айданиль» (там же. Л. 101 об.). С этого момента во владении Е. А. Балашевой находились эти имения «со всеми землями, лесами, водами, хозяйственными, жилыми и нежилыми и всякими другими строениями... с хозяйственным инвентарём, принадлежностями виноделия, виноградарства и винокурения» (там же: Л. 101 об., 102) [4].

Взамен Е. А. Балашева обязалась «ежегодно уплачивать княгине М. В. Воронцовой пожизненную ренту в размере 27 133 рублей» (там же: Л. 45) [4].

Первые разночтения возникли в период подготовки этого соглашения в связи с вопросом о погашении долга Балашевыми «по ссуде Государственного банка князю С. М. Воронцову в сумме 400 000 руб. под залог имений Массандра, Айданиль и Салгирка (в Симферополе) в 1878 году» (РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1539. Л. 2) [4].

Читаем документ далее: «Айданиль заложен Государственному банку в количестве 411 десятин 1503 кв. сажени, и при совершении закладной была представлена купчая крепость от Стемпковского 1824 года 22 декабря (нам уже известная из ГАРК. — *Н. М.*). При прошении же о вводе во владение Айданилем была представлена в суд купчая крепость от Стевена 1821 года 9 июня. В купчей крепости от Стемпковского об Айданиле нет ни слова, а сказано только об Урзуфе, о котором в духовном завещании (С. М. Воронцова. — *Н. М.*) не упоминается» (там же: Л. 4) [4].

Заметим, что «мера в купчей крепости Стевена не показана» (там же: Л. 7 об.) [4].

В этих условиях князь В. В. Трубецкой, заведующий имениями княгини М. В. Воронцовой, обратился в палату окружного суда Таврической губернии, «дабы устранить путаницу, которая сделана была при Князе Воронцове во время совершения закладной», и заказал «копии генеральных планов дач Айданиль и Урзуф» (там же: Л. 5) [4].

Л. 6 — План. К этому плану «ялтинским земским землемером Иванисовым были составлены сведения: в имении Светлейшего Князя С. М. Воронцова Айданиль состоит земли 402 десятины 1400 кв. сажени. В том числе в родовом имении — 345 десятин 1750 кв. сажени. В благоприобретённом:

От Джаксона — 26 десятины 980 кв. сажени.

От Булгаковой — 15 десятин 1400 кв. сажени.

От Ребуль — 3 десятины 2050 кв. сажени.

От Сафонова — 11 десятин 20 кв. сажени.

Всего — 56 десятин 2050 кв. сажени» (там же: Л. 7) [4].

При этом — «по сделанным в экономии Княгини Воронцовой справкам, на благоприобретённые имения оказались следующие крепостные акты:

От Джаксона по купчей крепости 23 мая 1867 года — 25 десятин.

От Булгаковой по купчей крепости 28 февраля 1870 года — 16 десятин 1220 кв. сажени.

От Ребуль по купчей крепости 12 апреля 1880 года — 5 десятин 1200 кв. сажени.

От Сафонова по купчей крепости 17 марта 1881 года — 15 десятин.

Итого — 62 десятины 20 кв. сажени» (там же) [4].

Расхождение в более чем 5 десятин привело к сравнению плана землемера Иванисова и Генеральными планами дач Айданиль и Урзуфа. При сравнении оказалось, «что в состав имения Айданиль вошли:

вся дача Айданиль — 330 дес. 2140 кв. саж.

часть дачи Урзуфа — 71 дес. 1660 кв. саж.

Итого: 402 десятины 1400 кв. сажени».

Из Симферополя 18 августа 1885 года поверенный Е. А. Балашевой К. Г. Доробец после изучения вопроса о разночтении в размерах имения писал Екатерине Андреевне в Петербург: «Принимая во внимание, что Земским землемером Иванисовым измерения делались без контроля, то и нельзя вполне доверять сведениям Ялтинской земской Управы. Необходимо произвести поверку, и очень возможно, что из Урзуфской дачи принадлежит к имению Айданиль значительно более 71 десятины, так как земля при деревне Урзуф приобретена была Князем М. С. Воронцовым по купчей крепости... в количестве 279 дес. 1681 кв. саж., из которых за продажею Фундуклею — 83 дес. 990 кв. саж., должно оставаться не 71 десятина, а 196 дес. 691 кв. саж.» (там же: Л. 7 об.) [4].

Таким образом, большая часть имения герцога Ришелье находилась в современном Ай-Даниле. Возможно, что при делении территории Ялтинского района на посёлки и территории, находящиеся в ведении их поселковых советов, эта ситуация в первые годы советской власти хорошо была известна, и Ай-Даниль полностью вошёл в состав Большого Гурзуфа.

Заметим, что земли на территории современного Ай-Даниля были пустопорожними, т. е. необработанными. Первые преобразования на них были сделаны при первом директоре Императорского Никитского сада Х. Х. Стевене. Но эти преобразования были незначительными. С покупкой земель графом М. С. Воронцовым всё резко изменилось. Здесь началось южнобережное виноградарство и виноделие, здесь был по-

строен первый винодельческий подвал на Южном берегу. До Воронцова виноделие в Крыму было в основном в восточной части — Судакской долине, с 20-х годов XIX века оно получило распространение на Южном берегу Крыма.

Часть имения, купленного у Стемповского, граф выделил «своему кругу»: управляющему его имениями — Джаксону (Жаксону) и Цезарю (Кесарю) Понятовскому. Скажем несколько слов о первых владельцах участков в Ай-Даниле. Джаксон (Жаксон) Роберт — в России Роман Яковлевич. В России сделал карьеру благодаря покровительству М. С. Воронцова. Служил в коллегии иностранных дел в Петербурге, затем в Одессе, был направлен в Массандровское имение графа главным управляющим.

В ведомстве иностранных дел, но в Одессе, служил и Цезарь Понятовский. Его служба началась в канцелярии генерал-губернатора в 1827 году в должности актуариуса, в ведении которого находились акты и приказные дела. В 30-е годы Понятовский служит уже в иностранном отделе, затем в Петербурге в коллегии иностранных дел до 1840 года. Последующие годы жил за границей, последние годы — в своем имении в Киевской губернии, где и скончался в 1875 году.

О земельном участке Цезаря Понятовского нам сообщает Ш. Монтандон в «Путеводителе путешественника по Крыму», изданном в Одессе в 1834 году на французском языке. Он же пишет об участке Джаксона: «Это место очень выгодно расположено; виноградник имеет двадцать тысяч кустов». А «виноградник, который находится рядом с домом владельца среди подсобных построек, и цветник возле дороги принадлежит г-ну барону де Беркгейму» [3, с. 165].

Барон Франц Беркгейм (1775–1836) — владелец части Ай-Даниля за землями Джаксона.

Во второй половине 30-х годов ни Понятовский, ни Беркгейм уже не встречаются среди владельцев имений в Ай-Даниле.

Новые владельцами стали Мария Константиновна Булгакова (урождённая Варлам, 1796–1879), купившая через посредничество графа М. С. Воронцова земли Беркгейма в начале 1835 года, и Степан Васильевич Сафонов, получивший земли Понятовского в награду за службу в канцелярии графа Воронцова в Одессе.

Кроме перечисленных владельцев в Ай-Даниле были земли ещё у нескольких помещиков и местных поселян. После кончины князя М. С. Воронцова в 1856 году его наследник, князь Семён Михайлович Воронцов, как уже знаем, постепенно скупил все небольшие имения на айданильской земле, он проявил себя рачительным хозяином, виноградарство и виноделие было сферой его особой заботы. Наследниками С. М. Воронцова Айданильское имение было продано Главному управлению уделов императорского двора.

По двум купчим крепостям «9 марта 1889 года от супруги Действительно-го Статского Советника... Екатерины Андреевны Балашевой, урождённой графини Шуваловой, приобретены участки... 108 дес. 175 кв. с. и 252 дес. 1400 кв. с.» [5]. По купчим крепостям «24 марта 1889 года от княгини Марии Васильевны Воронцовой, урождённой княжны Трубецкой, приобретены 2 участка мерою 56 дес. 2050 кв. саж.» [5]. В итоге в Ай-Даниле Уделы приобрели 402 дес. 1400 кв. саж. земли, что составляет приблизительно 405 га. Продажная цена Ай-Даниля составила «469 630 рублей» [4].

Виноградники были расширены, и из винограда, выращенного на них, «в 1889 году было произведено 4046 вёдер вина, в среднем 139 вёдер на 1 дес., а в 1896 году — 8560 вёдер вина, в среднем по 166 вёдер с десятины» [6].

При национализации в айданильском имении было уже «414 дес. 689 к. с.; под виноградником — 115 дес. 850 к. с.; под сенокосом — 15 дес., с которых накашивалось ежегодно 800 пудов сена (1 пуд = 16 кг. — *Н. М.*); под постройками — 4 дес.: из них 13 жилых построек, аптека и приёмный покой, баня, прачечные — 3; 2 винподвала: один подвал на 20 000 вёдер, другой на 2000 ведер» [2].

Большой винподвал на протяжении почти 100-летия был главным винодельческим подвалом отделения «Ай-Даниль» винсовхоза «Гурзуф». После разрухи 1990-х годов он реконструирован в старых архитектурных формах, часть виноградников совхоза «Гурзуф» находится в долгосрочной аренде и содержится в образцовом порядке.

На территории современного Гурзуфа, как мы все хорошо знаем, герцогом Ришелье был построен в 1811 году владельческий дом, который будет оставаться таковым на протяжении более чем 100 лет. Вокруг дома был разбит парк.

С покупкой имения графом М. С. Воронцовым на землях Гурзуфа началось разведение виноградников. Особенно расширены они были в 1830-х годах после продажи части имения в 83 дес. 990 кв. саж. графом Воронцовым И. И. Фундуклею. В 1870 году на виноградниках Фундуклея — 150 тысяч кустов лучших сортов виноградных лоз [7]. Был построен винодельческий подвал, вина Фундуклея получали награды на сельскохозяйственных выставках. Парк был украшен новыми деревьями, беседками и был одним из самых посещаемых на Южном берегу Крыма.

Наследники Фундуклея в 1881 году продали его имение со всем движимым и недвижимым имуществом П. И. Губонину. С этого времени начинается новая история имения «Гурзуф».

Документы РГИА и ГАРК дали возможность сделать выводы о размерах имения герцога Ришелье, месте его нахождения. А в истории судьбы имения ждёт нас ещё много открытий, находок, которые хранят неисследованные документы архивов.

Список использованных источников

1. ГАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
2. ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1 Д. 12. Л. 5.
3. Макарухина Н. М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга первая. — Симферополь, 2012.
4. Монтандон Ш. К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. — К: Издательский дом «Стилос», 2011. — 416 с.
5. РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1539. Л. 2–101.
6. РГИА. Ф. 515. Оп. 87. Д. 861. Л. 5, 6.
7. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. IV. — СПб., 1910. — 760 с.
8. Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. — СПб., 2007. — 831 с.

Н. М. Макарухина

Санкт-Петербург

Новые материалы о семье Ле-Дантю в Гурзуфе (по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Государственного архива Республики Крым (ГАРК))

На предыдущих чтениях 2013 года был доклад о действительных размерах и месте расположения имения герцога Ришелье. Сегодня разговор о «гурзуфских французах» — семье Ле-Дантю. С герцогом их объединяет одно судьбоносное событие — Великая французская революция. И Ришелье, и первый Ле-Дантю в России — Пьер-Рене — вынуждены были покинуть Францию, и судьба их привела в Россию, правда, с разницей в 15 лет. И судьбы их в России сложились по-разному. Начнём всё по порядку.

Пьер родился в Париже в 1753 году. К началу французской революции (1789) он «вёл крупную торговлю с Антильскими колониями на островах Мартинике и Гваделупе, перевоза на собственных кораблях европейские товары в колонии и колониальные товары в Европу» [1]. К 36 годам Пьер Ле-Дантю — успешный коммерсант. Когда взошла звезда Наполеона Бонапарта, Пьер Ле-Дантю, у которого уже были сыновья, вместе с ним ведущие торговлю, эмигрировал в Голландию.

В годы французской революции Пьер Ле-Дантю приобрёл отличную коллекцию картин европейских мастеров, у него образовалась целая картинная галерея. Скорее всего, это были приобретения от эмигрантов-дворян. Коллекция расширилась в Голландии. В 1802–1803 годах Пьер жил в Амстердаме, где получил паспорт.

В 1803 году армия Франции во главе с Наполеоном заняла Голландию, и Ле-Дантю бежал в Россию, взяв свою художественную коллекцию. В Петербурге он встретил француженку — тоже эмигрантку — Марию-Сесиль (Цецилию) де Вармот. Родилась Цецилия (так всегда она подписывалась под документами в России) в «1773 году в городе Руа в Пикардии» [1, с. 105]. Муж её был казнён, но от этого брака в 1799 году родилась дочь Сидония де Вармот. В России Марию Цецилию стали звать Марией Петровной, мы тоже примем эту форму её имени.

Уже в «декабре 1804 года в Петербурге у Пьера и Марии Петровны родилась дочь Луиза. В 1806 году — дочь Амели, 15 июня 1808 года родилась третья дочь, Камилла, а в 1810 и 1813 годах сыновья — Шарль

и Евгений» [1, с. 106]. Все дети Ле-Дантю, а так же старшая дочь Сидония оставили огромный след в истории России. Назовём только несколько фактов: Сидония стала матерью писателя Д. В. Григоровича; Камилла в 1831 году приехала в Петровский завод и там 16 сентября венчалась с ссыльно-каторжным декабристом Василием Петровичем Ивашевым. Сын Шарль стал лекарем, а Евгений, второй сын, закончив Институт Корпуса инженеров путей сообщения, поехал в 1835 году зарабатывать Кругобайкальскую дорогу в Сибирь и посвятил ей почти 50 лет жизни в Иркутске и Красноярске. Прапраправнучка Марии Петровны и Пьера Ле-Дантю стала известной балериной. Коллекция картин Пьера Ле-Дантю постепенно распродавалась в Петербурге, на эти средства семья жила. По уверению Д. В. Григоровича, «в коллекциях Эрмитажа и гр. Строганова немало картин, особенно голландской школы, приобретенных от Ле-Дантю» [1, с. 106].

В России ныне живут потомки Камиллы и В. П. Ивашева (в Санкт-Петербурге), а также Евгения (в Сибири). Брат «гурзуфского Ле-Дантю» обосновался в Ярославской области.

Для нас, конечно, прежде всего интересна «гурзуфская линия» семьи Ле-Дантю. Начнём о ней повествование.

Шарль Петрович Ле-Дантю родился в 1810 году в Санкт-Петербурге, в России его стали называть Карлом. О детстве Карла известно немного: в возрасте 2 лет его родители переехали в Симбирск, а в 1818 году Карл с отцом и младшим братом Евгением вернулись в столицу. Пьер Ле-Дантю скончался в 1822 году в Смоленске. С этого времени о жизни Карла известно очень мало. Известно, что он «был Лекарем» [9, л. 7]. В 1837 году Карл женился. В это время семья жила в Ярославской губернии, где у Карла была медицинская практика. В 1838 году в семье Карла родился сын Евгений. Он уже православного вероисповедания, и это первый Ле-Дантю в Гурзуфе. Здесь, в Ярославле, Евгений «в 1855 г. закончил гимназию» [9, л. 7].

И в том же 1855 году Евгений поступает «в Горы-Горецкий земледельческий институт», находящийся в казённом имении в местечке Горки Оршанского уезда Могилёвской губернии [13, л. 11]. Евгений проучился в Горы-Горецком институте пять с половиной лет, с 1855 по 1861 год, так его не закончив. Видимо, сельское хозяйство Евгения не привлекало.

Из формулярного списка о службе Евгения Карловича Ле-Дантю, датированного 1877 годом, известно, что его образование — курс наук в Ярославской губернской гимназии, а обучение в Горы-Горецком институте даже не указывается. Из этого же формулярного списка мы узнаем, «что орденов он не имеет... имения за ним ни за женой не состоит» [9, л. 7]. Женат Евгений Карлович был «на Баварской подданной Герма-

нии Густафовне Рюбнер» [9, л. 7]. 4 января 1872 года от этого брака родился сын Лев, о чём и сообщает запись «в Метрической 1872 г. книге Санкт-Петербургской Крестовоздвиженской церкви (что в Ямской) под № 30» [9, л. 5]. Церковь Воздвижения Честного и Животворящего креста Господня (Ямская Иоанно-Предтеченская) расположена и ныне на Лиговском проспекте, д. № 128 на углу Обводного канала. Интересно, что в метрическом свидетельстве о рождении имя жены Е. К. Ле-Дантю уже в русской транскрипции — «Эрминия».

Даже после кончины П. И. Губонина Ле-Дантю поддерживал добрые отношения со старшим сыном — наследником Петра Ионовича — С. П. Губониным. Можно смело утверждать, что в октябре 1894 года Е. К. Ле-Дантю присутствовал на панихиде по П. И. Губонину в Успенской церкви в Гурзуфе.

Из Памятных книжек Таврической губернии мы узнаем, что в «1896–1898 гг. губернский секретарь Е. К. Ле-Дантю — Почётный мировой судья Ялтинского уезда».

«В 1902 году Е. К. за 6089 рублей купил землю в 1 дес. 33 кв. саж. у наследников гурзуфского татарина Мустафы Мемета Оглу» [7] в северной части Гурзуфа над парком имени «Гурзуф». По документам ГАРК, «под строениями — 0,860 кв. саж., фруктовым садом — 0,1139 кв. саж., под виноградником — 0,154 кв. саж. и под парком — 0,340 кв. саж.» [7].

Для жителей Гурзуфа в этих сведениях главное — строения. Ведь речь идёт о здании, в котором многие поколения закончили среднюю школу, получили образование, позволившее им поступить в самые престижные вузы СССР: Москвы, Ленинграда, Киева Симферополя, Севастополя, Харькова, Горького и других городов нашего Отечества. Постройка дачи была заказана Евгением Карловичем ялтинскому архитектору Н. Н. Пискунову [5]. Несколько слов об архитекторе Пискунове. Николай Пискунов в 1893 году закончил Казанское реальное училище и был принят в Институт гражданских инженеров императора Николая I [12]. Уже в годы учёбы он принимал участие в различных студенческих конкурсах, как в институте, так и в Академии художеств. В 1896 году он был награждён серебряной медалью Императорской Академии художеств [9, л. 9].

В студенческом деле Пискунова много документов о его здоровье, вернее, нездоровье. Видимо, по этой причине, получив в 1898 году Диплом об окончании института, Пискунов приехал в Ялту. В его Дипломе читаем: «удостоен Советом Института звания Гражданского Инженера с правом производить работы по гражданско-строительной и дорожной частям и носить особый Высочайше утверждённый знак; в случае поступления на гражданскую службу он пользуется правом на чин X класса» [12, л. 21 об., 22]. Гражданский чин X класса соответствовал военным — поручик и мичман.

28 декабря 1902 года Ялтинская земская управа разрешила постройку дачи. В ГАРК хранятся чертежи, составленные архитектором Пискуновым: юго-западный фасад, юго-восточный фасад, поперечный разрез со штампом, разрешающим постройку, чертежи служб, на последнем чертеже подпись — «Гражданский инженер Н. Пискунов» [5].

В нижнем этаже дачи располагались вестибюль, гостиная в стиле Людовика XVI, в ней бронзовый бюст Екатерины II, а дальше — столовая, кухня, комнаты горничной и повара, из вестибюля можно было выйти на террасу. Вестибюль украшали 10 гравюр, а гостиную — 13 картин разной величины в золотых рамах.

На 2-м этаже находился кабинет хозяина дачи — Е. К. Ле-Дантю, а в нём находились книжные шкафы; украшали кабинет 4 бюста французских императоров, статуэтки бронзовые, майоликовые, терракотовые; акварели; вазы для цветов. Картины, статуэтки, часть мебели были переданы после национализации в 1921 году в секцию охраны старины Народного комиссариата образования (Наробраз) [5, л. 21–23]. На верхнем этаже находились 3 спальни; ванная комната; туалеты располагались на обоих этажах. Выход на террасу был из 1-й спальни [5, л. 23–24]. Сегодня главный фасад изуродован пристройкой к современной кухне.

Евгений Карлович Ле-Дантю прожил 77 лет, скончался в Гурзуфе 27 января 1915 года, был отпет в Гурзуфской Успенской церкви и 30 января был погребён на Гурзуфском православном кладбище, не увидев событий, которые последовали очень скоро. Причиной смерти было острое воспаление лёгких (ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 962. Л. 46 об., 47) [6]. Могила Ле-Дантю совершенным чудом сохранилась. Это единственно выделяемое захоронение на старом кладбище. За ним долгие годы ухаживал крестьянин Новгородской губернии Василий Иванович Малышев (род. в 1880 году). В начале XX века приехал в Гурзуф, был захоронен рядом с Евгением Карловичем в 1962 году. Наследовали имение в Гурзуфе жена Эрминия Александровна и сын Лев Евгеньевич. Установлено, что Лев родился в 1872 году. Он относился к четвёртому поколению Ле-Дантю в России. Первоначальное образование Лев Ле-Дантю, как и было положено в их семье, получил домашнее. В 1884 году он уже ученик столичной частной гимназии Я. Г. Гуревича, имеющей все права правительственной гимназии. В этом же году, сразу же после испытаний для обучения в 3 классе гимназии, Лев Ле-Дантю получает из гимназии «Свидетельство об отпуске в Крым сроком с 23 марта по 1 сентября» [11, л. 3]. 1884 год — первая дата, выявленная в документах архивов Петербурга, указывающая на принадлежность семьи Ле-Дантю к Крыму. Но нет указаний ни на местность в Крыму, ни на собственность. Возможно, это арендованная дача.

А в 1890 году, поступив на «естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета», Лев Ле-Дантю получил «отпуск с 11 декабря, и 19 декабря явлен и записан у Полицейского урядника 4 участка 1 стана Ялтинского уезда в книгу под № 91 Дача Хаста» [9, л. 21 об.]. Это уже не летний отдых, на даче Хаста живут родители. «25 мая 1891 года Лев получает отпуск по 20 августа в Таврическую губернию в Гурзуф» [9, л. 24]. Здесь уже прямое указание на Гурзуф. Интересно, что на Южный берег Лев Ле-Дантюездил через Севастополь, на его проездном билете «отметка в гостинице Киста от 29 мая 1891 г.» [9, л. 24 об.]. Заметим, что в этом же 1890 году на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета был принят ещё один «гурзуфец» — Сергей Метальников, а двумя годами раньше — будущий житель Гурзуфа Николай Бекетов.

Все студенческие годы Лев живёт в Петербурге не в родительском доме, а в студенческих общежитиях университета «на Васильевском острове в 10 линии в доме № 43», а затем в «доме № 41» [9, л. 36, 38 об., 40 об.]. После учёбы в университете Лев Евгеньевич начал службу редактором в центральном статистическом комитете при Министерстве внутренних дел. Служба эта продолжалась до кончины.

В 1895 году Лев Ле-Дантю женился. Его избранницей стала баронесса Вера Николаевна Фредерикс. Род этот шведского происхождения (с 1-й половины XVIII века Фредериксы на русской службе). Самым известным из этого рода в России был барон (с 1913 года граф) Владимир Борисович Фредерикс, а в 1897–1917 годах — Министр императорского двора. Это ему выпала печальная роль скрепить подпись Николая II под отречением от престола 2 марта 1917 года. Вера Николаевна приходилась В. Б. Фредериксу двоюродной племянницей — дочерью его двоюродного брата. От этого брака родилась дочь Ирина. Семья жила зимой в Петербурге, а на лето переселялась в Гурзуф.

К моменту смерти Евгения Карловича Лев Евгеньевич — редактор Центрального статистического комитета МВД и преподаватель на статистических курсах этого ведомства. Кроме этого, он владелец фотостудии и магазина фотографических принадлежностей. Семья постоянно жила на съёмных квартирах. Последним адресом был Прядильный переулок, д. № 4 в Коломенской части Петербурга. Меня многие годы интересовал вопрос о судьбе Льва Евгеньевича. Прошедшей зимой наконец-то ответ нашёлся в Фонде 19 — «Санкт-Петербургская консистория» ЦГИА СПб. «28 марта 1916 года Коллежский советник из дворян Лев Евгеньевич Ле-Дантю 42 лет умер от воспаления лёгких. Отпет был в Покровско-Большешколоменской церкви». «Погребён Лев Ле-Дантю

был на Митрофаньевском кладбище» [10, л. 426]. В 1930-е годы церковь Покрова была разрушена. Ныне на этом месте стоит памятный знак. Не сохранилось и Митрофаньевское кладбище. Несколько исторических захоронений его были перенесены в мемориальные некрополи. Кстати, здесь был похоронен «крымский судья» — П. И. Сумароков. Единственное, что напоминает сегодня об одном из самых больших петербургских кладбищ, — это название «Митрофаньевское шоссе», которое берёт начало у Балтийского вокзала Петербурга, и «Маломитрофаньевская улица».

В годы Гражданской войны семья Льва Евгеньевича находилась в Крыму. Ирина Львовна даже «была чемпионкой Белого Крыма по теннису в 1918 г.» [2, с. 220]. Ирина, к этому времени 20-летняя барышня, вышла замуж за ведомственного чиновника Владимира Сергеевича Вырубова из старинного русского дворянского рода, владимирской его ветви. Отец В. С. Вырубова был членом Владимирской губернской земской управы Ковровского уезда.

С самого детства девочка любила музыку, танцы и спорт. Особенно ей близок был балет. Живя в столице, Ирина видела на сцене Мариинского театра О. Преображенскую в постановках Мариуса Петипа. Можно утверждать, что французы Ле-Дантю присутствовали при прощании с М. И. Петипа в Гурзуфе в 1910 году или на погребении в Петербурге. Тем более что семья Петипа и Ле-Дантю жили в столице совсем близко, в районе современного Театра юного зрителя им. Брянцева.

Уже в эмиграции Ирина, «несмотря на свой возраст, в 1925 году поступила ученицей в класс прославленной балерины Императорских театров Ольги Осиповны Преображенской» [2]. Любовь к балету Ирина Львовна передала своей дочери Нине, которая родилась 4 июня 1921 года в Гурзуфе. К концу русской смуты семья продала дачу. Национализировалась она как дача Никифоровой. Муж Ирины «был убит в Крыму шальной пулей в 1922 г.», поэтому дочь Нина его совсем не помнила [2, с. 218]. Возможно, он похоронен на семейном месте на Гурзуфском кладбище.

В 1924 году Ирина Львовна с мамой и дочерью уехали во Францию, где жила одна из сестёр Веры Николаевны «Мария Труайе, которая прислала вызов сестре и племяннице “на трёхмесячное лечение во Франции”» [2, с. 219]. В 1924 году Франция признала СССР. Одним из условий установления дипломатических отношений между странами было разрешение на выезд во Францию всем «русским французам», желающим туда поехать на лечение, в гости к родным или на постоянное жительство. «11 ноября 1924 г. (семья Ле-Дантю): бабушка — Вера Николаевна, мама — Ирина Львовна Вырубова и маленькая Нина...

прибыли в Париж» [2, с. 219].

К концу 20-х годов Ирина Львовна сама стала балетным педагогом, «руководила Детской балетной студией в Медоне (под Парижем), затем балетной студией в Париже» [8, с. 322].

Занимаясь в Париже балетом, Ирина Львовна заметила способности дочери — ритмичность, пластику, так необходимые в балете. Нина стала легендарной балериной середины XX века, гордостью и украшением парижской Гранд-опера, партнёршей Сержа Головина, Сергея Лифаря, Рудольфа Нуреева. Она удостоена премии Анны Павловой Института хореографии за «Жизель» (1957), первым призом за участие в фильме «Видение танца» (1964). Награждена орденом «За заслуги» (1976), орденом Искусств и словесности, премией Мариуса Петипа [там же]. Скончалась Нина Владимировна Вырубова «в Париже, в старческом доме, где провела последние годы, в ночь с 25 на 26 июня 2007 года» [2, с. 218], прожив 86 лет. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В 90-х годах XX века она посетила Гурзуф, была в детском лагере, размещавшемся на участке и на даче Ле-Дантю. После постройки Гурзуфской школы в 1964 году здесь располагался детский лагерь, а ныне Центр отдыха «Жемчужный берег», в котором отдыхают дети России. Многие дети приезжают в Центр по 4, 5, 6 лет подряд, так как находят здесь друзей, с которыми общение продолжается и зимой. Вокруг дачи Ле-Дантю вырос целый дачный городок. Но этот участок по-прежнему дорог и выпускникам Гурзуфской средней школы, которые приезжают во всех концов нашего Отечества на свои юбилейные встречи, по случаю 60–50-летних юбилеев окончания здесь школы. Посещение своей школы — обязательный ритуал.

Список использованных источников

1. Буланова О. К. Роман декабриста. — М., 1933.
2. Васильев А. А. Этюды о моде и стиле. — М., 2008. — 220 с.
3. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. — СПб., 1867–1868. — 276 с.
4. ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 49. Л. 49–49 об.
5. ГАРК. Ф. Р–361. Оп. 2. Д. 56. Л. 25.
6. ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 962. Л. 46 об., 47.
7. ГАРК. Ф. 529. Оп. 1. Д. 41. Л. 115.
8. Русское зарубежье во Франции 1919–2000. Т. 1. — М. 2008. — 322 с.
9. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27434. Л. 7.
10. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3240. Л. 426.
11. ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 2. Д. 1004. Л. 3.
12. ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 272. Л. 1.
13. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 1. Д. 293. Л. 11.

Е. Архипова

Гурзуф

«О странностях случая...». Сага о Бетанкуре (Бетанкур Август Августович, 1758–1824)

Август Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделярия де Бетанкур и Молина (1 февраля 1758 — 14 (26) июля 1824) — испанский, затем российский государственный деятель и учёный, генерал-лейтенант русской службы, архитектор, строитель, инженер-механик и организатор транспортной системы Российской империи, родился в г. Пуэрто-дель-Крус на острове Тенерифе, в семье, основанной французским предком Жаном де Бетанкуром, который в 1417 году объявил себя королём Канарских остров.

Получив всестороннее научное образование в Париже, Бетанкур был отправлен испанским правительством в наиболее культурные страны Западной Европы для обозрения разных систем судоходства, каналов, паровых машин и т. п. Бетанкур успешно выполнил это поручение.

В 1798 году на него было возложено устройство оптического телеграфа между Мадридом и Кадисом и организация в Испании корпуса инженеров путей сообщения.

В 1803 году он стал интендантом армии и главным директором почт.

Возникшие в Испании беспорядки заставили Бетанкура покинуть страну. Сначала он отправился в Париж, а в 1808 году — в Россию благодаря Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу, который занимал должность посланника в Испании и при встрече с А. А. Бетанкуром узнал о том, что он решил покинуть страну. Об этом И. М. Муравьев-Апостол проинформировал российское посольство. И один из лучших инженеров Европы был приглашён на службу в Россию в чин генерал-майора.

Здесь ему было открыто широкое поприще для применения его познаний. Бетанкур преобразовал Тульский оружейный завод, построил пушечный литейный дом в Казани, ввёл новые и улучшил старые машины на Александровской мануфактуре, построил здание Экспедиции заготовления государственных бумаг, громадный по тем временам московский экзерциргауз (крытый плац для проведения военных смотров, ныне — Манеж), гостинный двор Нижегородской ярмарки, первый мост через Неву с обустройством центральной набережной Санкт-Петербурга и разные другие здания и сооружения.

Бетанкур принимал участие в постройке Исаакиевского Собора.

По проекту архитектора в Санкт-Петербурге был учреждён Институт Корпуса инженеров путей сообщения, куда он и был назначен генерал-инспектором.

Бетанкур внёс важный вклад в развитие отечественной системы высшего инженерного образования в XIX веке, которая отличалась сочетанием фундаментальной, общинженерной и специальной подготовки. При составлении программы обучения в Институте он писал: «Цель института снабдить Россию инженерами, которые прямо по выходе из него могли бы быть назначаемы к производству всяких работ в Империи».

Возглавляя Главное Управление Путей Сообщения, А. А. Бетанкур в преклонном возрасте, а на ту пору ему было 62 года, предпринимает обзреть в августе 1820 года «южную часть...». Об этом мы узнаем из документов ЦГАК, ф. 26, оп. 1, т. 4, № 5000. На всех станциях готовили по 25 почтовых лошадей и прилагался маршрут путешествия.

В выписке из Маршрута указывалось место ночёвок, обедов и с точностью указаны числа (даты), версты между селениями [1].

«От Судака южный берег до Балаклавы 4 дня верхом...» (версты не указаны), но есть точные даты 21, 22, 23 и 24 сентября.

Его Маршрут:

«Керчь (17 — ночлег)

Феодосия (18, 19 — ночлег)

Старый Крым

Судак (20 — обед)

ЮБК (ночлега и обеда не оказалось)

Севастополь

Бахчисарай (25, 26 — ночлег)

Саки

Козлов (27 — обед), обратно до Саки...

Перекоп (28 — обед)».

По Южному берегу Бетанкур следовал на верховых лошадях до Балаклавы и Севастополя, а оттуда на Дуванкой, Бахчисарай, Альму до Симферополя ему готовили экипаж, куда он должен был прибыть 25 числа, как и планировался маршрут.

Но 30 сентября 1820 года А. А. Бетанкур пишет, точнее, извещает Таврического губернатора А. Н. Баранова: «По причине перемены, случившейся в путешествии моём, прибуду я 10 днями позже в каждое место...»

Что произошло в дороге по ЮБ Крыма такого, из-за чего А. А. Бетанкур, начальник Главного Управления Путей Сообщения, не прибыл вовремя к месту назначения?

А произошло следующее: в Кчук-Ламбаде встретились старинные друзья А. А. Бетанкур и И. М. Муравьёв-Апостол. «Сперва приехал с большою при себе свитою старинный приятель мой Бетанкур. Мы оба друг другу обрадовались; рассуждали о странностях случая, который заставил одного родиться в Тенерифе, другого в России, познакомиться в Мадриде, съехаться в Тавриде...» [2].

Об этом мы узнаем из книги И. М. Муравьёва-Апостола «Путешествие по Тавриде. В 1820 году». Далее автор продолжает: «Вчера мы, гости, выехали все вместе...» [2]. И, конечно же, их путь лежал в Гурзуф, к дому герцога Ришелье, но, к сожалению, далее этому нет полного подтверждения.

Книга И. М. Муравьёва-Апостола «Путешествие по Тавриде. В 1820 году» (СПб., 1823) составлена из 25 писем, которые являются результатом его поездки в Крым. Она содержит ценные сведения по археологии, флоре и фауне Крыма, характерные подробности городской и монастырской жизни, колоритные описания восточных обычаев.

Книга была высоко оценена А. С. Пушкиным, посетившим Крым одновременно с Муравьёвым-Апостолом, что для нас очень важно и ценно. Остаётся открытым вопрос: встречались ли А. А. Бетанкур, начальник Главного Управления Путей Сообщения, и юный Александр Пушкин в Крыму?..

Таковы «странности случая...». И сага о Бетанкуре.

Список использованных источников

1. Бетанкур А. А. «Распределение курсов учения в институте путей сообщения». Цит. по: Барышников С. // Водный транспорт. — 15 июля 2012. — № 7.
2. БЭ, ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Минакова. — СПб., Год? т. 3.
3. Муравьёв-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде. В 1820 году. — СПб., 1823.
4. ЦГАК, ф. 26, оп 1, т. 4, № 5000.
5. ЭС, ред. И. Е. Андреевского. — СПб.: изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1861. Т. 6.

И. С. Ганжа

Ялта

Романовы: французская книга в императорской библиотеке

Судя по историческим сведениям, большое внимание к французским книгам первым из царского дома Романовых проявил Пётр Великий, в личной библиотеке которого они занимали главное место среди книг на иностранных языках, преобладая, правда, ненамного, даже над изданиями на голландском и латыни. Учли этот интерес царя и французы, когда при посещении Петром I Франции в 1717 году в Королевской библиотеке ему были преподнесены 12 томов с гравированными изображениями королевских садов и строений в Версале и походов Людовика XIV, а в Кале председатель и первый судья города передал великолепно изданные произведения Юлиа Цезаря.

Но главный интерес Петра I представляли книги, особенно новые, по военным наукам и технике, морскому делу и кораблестроению. Среди них — издания известных французских авторов: Поля Госта, Самюэля Маролюа, Франсуа Блонделя, Пьера Сюрирей де Сен-Реми. Много книг было и по физико-математическим, и географическим наукам, среди авторов которых Николя де Малезье, Франсуа Нисерон, Николя Бион, а также упомянутый ранее Маролюа. Уделялось внимание изданиям по архитектуре (например, знаменитый труд «L'architecture desvoûtes» Франсуа Дерана) и садово-парковому искусству.

Значительное место в императорском собрании французских изданий заняли библиотеки Вольтера и Дидро, приобретённые Екатериной II. Императрица также уделяла время, занимаясь формированием личных библиотек сначала для своего сына Павла, а затем и внуков Александра и Константина, включала книги на французском языке. Примечательно, что для внуков это был язык большинства изданий их «детских» собраний, одинаковых по своему составу и отличавшихся только вензельными экслибрисами с монограммами «С. Р.» и «А. Р.».

Книжные собрания Романовых традиционно продолжали пополняться при Александре I, Николае I и Александре III. К ним относились и личные библиотеки императриц. Например, у Александры Федоровны, супруги Николая I, наряду с изданиями (художественная литература, описание путешествий, книги по искусству) на немецком языке, имелись книги на французском.

К началу XX века книжное собрание династии Романовых увеличилось до 70 тысяч томов и размещалось в Зимнем дворце (личные

библиотеки семьи Николая II), Царскосельском Александровском дворце (книжные собрания Александра II и Александра III) и Гатчинском дворце (русские и иностранные журналы, альбомы с акварелями, рисунками и гравюрами). Что касается 1621-томного собрания Петра I, то ещё при жизни императора книги частями стали передаваться в первую государственную библиотеку публичного пользования (с 1724 — Библиотека Академии наук), открытую в 1714 году в Санкт-Петербурге. Нельзя не упомянуть и о библиотеке царского имени «Ливадия» (с 1860), основой которой стали книги его бывшего владельца графа Льва Севериновича Потоцкого (1789–1860), действительного статского советника, посла в Неаполе, Португалии, Швеции, члена Государственного Совета. В кабинетах Большого и малого дворцов находились небольшие библиотеки императрицы Марии Александровны, Александра III и Николая II. По описи 1924 года насчитывалось 479 иностранных и 336 русских книг.

В отделе редкой книги Центральной городской библиотеки им. А. П. Чехова в Ялте находится часть ливадийского собрания, в котором преобладают издания на французском языке — 31 из 59 томов.

Ценность представляет прежде всего один из томов парижского издания сочинений Мольера 1785 года с сохранившимися экслибрисами Потоцких и императрицы Марии Александровны (на книжном знаке имеется вписанный номер 224).

Характерной особенностью сохранившихся книг является наличие почти на всех экземплярах двух экслибрисов: белый бумажный прямоугольник книжного знака Марии Александровны заклеен книжным знаком Александра III. Принадлежность какой-либо книги к личному собранию Николая II пока не установлена.

В сохранившихся дневниках Николая II и воспоминаниях близкого круга царской семьи можно найти сведения о читательских предпочтениях последнего российского императора, его супруги Александры Федоровны, их детей и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Книгами на французском языке были в основном романы популярных современных писателей: Александра Дюма-отца (1802–1870), Альфонса Доде (1840–1897), Пьера Лоти (Луи Мари Жюльен Вио; 1850–1923), Поля Перре (1830–1904), Гастона Леру (1868–1927). Интерес вызывали и исторические труды Франца Функ-Брентано (1862–1947), дневники Марии Терезы Шарлотты Французской герцогини Ангулемской (дочи Людовика XVI и Марии-Антуанетты; 1778–1851), мемуары Наполеона I (1769–1821), сочинения о Марии Летиции Рамолино (матери Наполеона Бонапарта; 1750–1836) и Наполеоне IV (единственном ребёнке Наполеона III и императрицы Евгении Монтихо и последнем наследнике французского престола; 1856–1879).

Сохранилось свидетельство и о чтении знаменитого романа «Отверженные» Виктора Гюго (1802–1885) в книге «Император Николай II и его семья» Пьера Жильяра (Жийяр, Pierre Gilliard; 1879–1962), преподавателя французского языка детей Николая II.

«Она (Ольга Николаевна. — *И. Г.*) много читала вне уроков. Когда она стала старше, всякий раз, как я давал ей книгу, под предлогом трудности текста или незначительности интереса, который он представлял, я отмечал на полях места или главы, которые она должна была пропускать, с тем, чтобы потом вкратце передать ей их содержание. Я делал так из предосторожности.

Однажды одно упущение с моей стороны доставило мне одну из неприятнейших минут моей педагогической карьеры, но благодаря находчивости Государя всё окончилось лучше, чем я мог ожидать.

Ольга Николаевна читала “Les Misérables” Виктора Гюго и дошла до описания битвы под Ватерлоо. В начале урока она передала мне, как всегда, список слов, которые она не поняла. Каков же был мой ужас, когда я увидел выписанным слово, создавшее славу героя, командовавшего гвардией! Я был уверен, что соблюл все предосторожности... Я попросил книгу, чтобы проверить свои отметки, и убедился в своей непростительной забывчивости. Чтобы избежать щекотливого объяснения, я вычеркнул злосчастное слово и вернул ей листок. Ольга Николаевна воскликнула:

— Каково! Вы вычеркнули слово, смысл которого я вчера спрашивала у папа!

Если бы молния упала у моих ног, она не произвела бы во мне большего потрясения.

— Как, вы...

— Ну да, и он сначала меня спросил, откуда я знаю это слово, а потом сказал, что это очень сильное выражение, которое повторять не надо, но что в устах генерала, его сказавшего, оно было в ту минуту самым прекрасным словом французского языка.

Несколько часов спустя я встретил Государя на прогулке в парке; он отозвал меня в сторону и сказал мне самым серьёзным голосом:

— Вы, однако, обучаете моих дочерей странному подбору слов!

Я запутался в смущённых объяснениях, но Государь расхохотался и перебил меня:

— Бросьте, не смущайтесь, я отлично понял всё, что произошло, и сказал моей дочери, что это страница славы французской армии».

К сожалению, первый том романа, в котором описывается битва под Ватерлоо, отсутствует в редком фонде отдела. Сохранились только том второй и том девятый прижизненного брюссельского издания 1862 года.

Приведённые ниже выходные данные изданий на французском языке являются только частью ливадийского собрания, полный каталог сохранившихся книг которого, хочется надеяться, со временем станет возможным составить совместными усилиями специалистов:

1. Beau, Ch. le. Histoire du Bas-Empire, commençant a Constantin-le-Grand. — T. 9, 10, 12. — Paris, 1820.

2. Brilat-Savarin, Physiologie du gout: ou Meditations de gastronomi-et transcendante; ouvrage theorique, historique et a l'ordre du jour, dedie aux gastronomes parisiens par un professeur, membre de plusieurs societes-savantes. — Paris, 1826.

3. Mesnie, A., Sautelet A. — T. 1. — Paris: Imprimerie de H. Fournier, 1829.

4. Bruyset, M.. Abrege de l'histoire romaine: Depuis la fondation de Rome jusqu'a la chute de l'empire Romain en Occident. Traduit de l'anglais du docteur Goldsmith; par M. Bruyset [...]. — A Lyon; A Paris: Chez Tournachon-Molin, Libraire; Chez Bossange et Masso (De l'Imprimerie de J. B. Kindelem), 1816.

5. Compre. Dictionnaire abrege de la fable, pour l'intelligence des Poetes, des Tableaux & des Statues, dont les sujets sont tires de l'Histoire Poetique. — A Paris: Chez Veuve Desaint, 1778.

6. Delille, J. Oeuvres. — T. 9: Les jardins. Poeme. — A Paris: Chez L. G. Michaud, libraire, 1823.

7. Dickens, Ch. Les grandes esperances. — T. 2. — Paris, 1864.

8. Duruy, V. Abrege de l'histoire de France. Edition illustree de 117 gravures et de 16 cartes geographiques. — Paris: Librairie Hachette Et Cie, 1855.

9. Fenelon, Francois de Salignac de la Motte. Abrege de la vie des plus illustres philosophes de l'antiquite: Ouvrage destine a l'education de la jeunesse. — Avallon: Chez Comynet, Imprimeur-libraire, 1822.

10. Guizot, Washington. Fondation de la Republique des Etats-Unis d'Amerique. Vie de Washington; histoire de la guerre de l'indépendance et de la fondation de la Republique de Etats-Unis d'Amerique / Traduite de l'anglais de M. Jared-Sparks par M. Ch. [...] et precedee d'une Introduction sur caractere de Washington et son Influence dans la Revolution des Etats-Unis d'Amerique. — Paris, 1851.

11. Hugo, V. Les miserables. — T. 2 (P. 1), 9 (P. 5). — Paris, 1862.

12. Hamilton, A. Memoires du comte de Grammont. — T. 1, 2. — A Paris: Chez Lebeque, imprimeur-libraire, 1820.

13. Homere. Oeuvres d'Homere, avec des remarques; precedees de reflexions sur Homere et sur la traduction des poetes, par P. J. Bitaube. — T. 3 : Iliade. Tome III. A Avignon: Chez Fr. Chambeau, Imprimeur-Libraire, 1820.

14. Homere. Oeuvres d'Homere, avec des remarques; precedees de reflexions sur Homere et sur la traduction des poetes, par P. J. Bitaube. — T. 7 : Odysee. Tome III. — 1820.

15. Lefranc, Em. Histoire elementaire et critique de la literature. Renfermant. Quatre des details biographiques et des considerations generales sur les auteurs, l'examen analytique de leurs principaux ouvrages et un grand nombre de citations nouvelles, avec deux tables, l'une des matieres et l'auteurs: Literature grecque. — Paris — Lyon, 1838.

16. Le Sage. Histoire de Gil Blas de santillane. Edition accompagnee de notes et d'une preface par M. Saint-Marc Girardin. — Paris: Charpentier, 1853 (Imp. Dondey-Dupre).

17. Marle, M. de. Histoire generale de l'Inde ancienne et moderne, depuis l'an 2000 avant J. C. jusqu'à njs jours; precedel d'une notice geographique et de traites speciaux sur cronologie, la religion, la philosophie, la legislation, la litterature, les sciences, les arts et le commerce des hindous. — T. 2, 4. — Paris, 1828.

18. Marmontel, Jean-François. Les incas, ou La destruction de l'Empire du Perou. — T. 1, 2. — Paris, 1836. Pellico, S. Mes prison. Memoires de Silvio Pellico de saluces, traduits de l'italien precedes d'une introduction biographique; par A. De Latour, et augmentes de notes historiques par P. Maroncelli. — Bruxelles, 1835.

19. Pacca, cardinal. Memoires du cardinal Pacca, contenant des notes sur son ministere et l'histoire de ses deux voyages en France traduits de l'italien par M. l'abbé Jemet, superieur de la maison du Bon-Sauveur, ancien recteur de l'Academie de Caen, membre de la Legion-d'Honneur et plusieurs societessavantes. — Caen, 1832. Moliere. Oeuvres de Moliere. Nouvel edition, Augmentee de la vie de l'Auteur, & des remarques historiques & critiques. Par M. de Voltaire. — T. 2:

20. Sganarelle, ou Le Cocu imaginaire. Dom Garcie de Navarre, ou Le Prince jaloux. L'Ecole des maris. Les Facheux. L'Ecole des femmes. — A Paris: Chez la Veuve David, 1785.

21. Montor, A. de. Histoire des souverains pontifes romains. — T. 5. — Paris, Chez Jacques Lecoffre et Cie, editeurs, 1851 (Typographie de Didot Freres). Plutarque. Les vies des hommes illustres de Plutarque, traduites du grec par Amyot; avec les notes et les meilleurseclaircissemens donner par mm.

22. Brotier, Dacier et Vauvilliers. — T. 1, 2, 4, 5, 7, 9, 10, 11, 13. — A Paris: Chez Pierre F. -E. Dufart fils, libraire, 1809–1811.

23. Ramsay. Voyages de Cyrus, suivis d'un discours sur la mythologie. — Nouvelle edition, Revue, augmentee de notes geographiques, historiques, mythologiques, par L. Philipon de Madeleine, Des Academies de Lyon et de Besancon. Ornee de trois figures enbaille-douce. — Paris: Ferra Jeune, libraire, 1826 (Imprimerie de Danicourt-Huet, a Orleans).

24. Raymond, M. La valise de Simon le Borgne. — Leipzig: Weber, libraire-éditeur, 1836 (Bruxelles, Ad. Wahlen, impr. -libr. de la Cour).

25. Rollin, Charles. Histoire Romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium. C'est-à-dire jusqu'à la fin de la République. — T. 3. — Paris: La Veuve Estienne, 1762.

26. Международная научно-практическая конференция «Дни Ришелье в Гурзуфе» Salignac, Fr. de. Les aventures de Thelemaque, fils d'Ulysse. — Nouvelle édition, augmentée des Aventures d'Aristonous [...]. — T. 3. — Londres, 1792. Stael-Holstein, la baronne de. De l'Allemagne.

27. La Philosophie et la Morale; P. 4 : La Religion et l'Enthousiasme). — Paris: Chez H. Nicolle, a la librairie stereotype, 1814.

28. Stael-Holstein, de. De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales. — Seconde édition revue, corrigée et augmentée. — T. 1. — A Paris: Chez Maradan, Libraire, [1799] (De l'imprimerie de Crapelet). Tableau de l'histoire de France, depuis le commencement de la monarchie jusqu'au 1-er août 1815. [...] Abrégé [...] Édition Corrigée et Ornée de portraits. [...] — T. 1, 2. — Paris : Belin-Le Prieur, Libraire.

29. Veuve, Belin. Libraire, 1815.

30. Vertot, l'abbé. Histoire des révolutions arrivées dans le gouvernement de la République romaine. — T. 1. — A Calais: Chez Moreaux, imprimeur, 1808.

31. Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. — A Paris: Chez Mme Veuve Dabo, a la librairie stereotype, 1824 (Senlis, imprimerie stereotype de Trembuay).

Список использованных источников

1. Богомолов С. И. Российский книжный знак. 1700–1918. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Минувшее, 2010. — 959 с., ил.

2. Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. / Ред. А. С. Бурдыкин. — М.: ПОЛИСТАР, 1991. — 305 с., ил.

3. Дневники императора Николая II. 1894–1918: в 2-х т. Т. 1. 1894–1904 / Отв. ред. С. В. Мироненко. — М.: РОССПЭН, 2011. — 1101 с.: ил.

4. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. — М.: РОССПЭН, 2013. — 824 с., ил.

5. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т. 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914–1918. — М.: РОССПЭН, 2013. 784 с., ил.

6. Жильяр П. Император Николай II и его семья. — М.: МАДА, 1991 (ре-принт венского изд. 1921). — 246 с.

7. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...» — Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. — 320 с., ил.

8. Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. — Л.: Наука, 1973. — 374 с., ил.

9. Последние дневники императрицы А. Ф. Романовой. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 304 с., ил.

Е. Захарова

Симферополь

Роль герцога Ришелье в мировой истории

В 2016 году отмечается 250-летний юбилей со дня рождения великого француза, связанного с Крымом, — Армана Эмманюэля Софи Септимани де Виньеродю Плесси де Ришелье, в просторечии именуемого дюк, что в переводе означает «герцог».

Будущий генерал-губернатор Новороссийского края появился на свет в Париже, в семье знаменитого маршала де Ришелье, правнучатого племянника великого кардинала. Сам маршал был личностью многогранной: он прославился и как полководец, не проигравший ни единого сражения в своей жизни, и как друг и покровитель Вольтера, и как любитель роскоши и растратчик огромных сумм, и как гурман, благодаря которому кулинария обогатилась таким новшеством, как майонез, и как главный развратник эпохи, из-за любви которого даже дамы сражались на дуэли. Маршал послужил прототипом двух знаменитых литературных персонажей: его бурную юность Бомарше отразил в образе пажа Керубино из «Женитьбы Фигаро», а циничные зрелые годы отобразились в образе Вальмона из «Опасных связей» Шодерло де Лакло.

Бабушка дюка была родом из Лотаринского дома, благодаря чему наш герцог оказался в дальнем родстве с Габсбургами, правившими Священной Римской империей, ибо глава Лотарингского дома Франц Штефан был мужем императрицы Марии Терезии.

А вот отец дюка, герцог де Фронсак, сын маршала де Ришелье, не проявил вообще никаких выдающихся способностей, кроме тяги к разнообразным формам разврата. Эксперименты в данной области сделали его героем полицейских отчётов и окончательно подорвали его здоровье: уже в молодости герцог де Фронсак был похож на старую развалину. Сам маршал считал своего сына ничтожеством, часто повторял: «У моего сына есть все мои недостатки и ни одного из моих достоинств. Напротив, у моего внука есть все мои достоинства и ни одного из моих недостатков». И в итоге даже лишил своего сына наследства в пользу внука.

Наш герцог появился на свет в отеле д'Антан — в несохранившемся до наших дней, к сожалению, парижском доме маршала де Ришелье. Дом находился рядом с Итальянским бульваром. Существует ошибочное мнение, будто дюк родился в Бордо, но это опровергает документ о его крещении 25 сентября 1766 года в парижском приходе Сен-Рок.

Мать дюка умерла, когда ему было четыре с половиной месяца. Следом за ней сошёл в могилу старший брат дюка, всего лишь полу-

торогодовалый Камиль, маркиз де Понкурле. Так младенец Арман Эмманюэль оказался единственным наследником рода Ришелье. В ту пору нашего юного героя звали граф де Шинон. Отцу он был совсем не интересен, и его передали на воспитание тётушкам.

С раннего детства мальчика опекала его крёстная мать, графиня Септимания д'Эгмон-Пиньятелли. Она была выдающейся музыкантшей, покровительницей Вольтера и Руссо, держала блестящий аристократический салон в Париже. У неё был платонический роман со шведским королём Густавом III. В переписке с королём Септимания оказывала на молодого монарха весьма возвышенное политическое влияние. Иногда её ещё называют «принцессой-республиканкой». Феноменально, насколько аристократия тех времён активно поддерживала философов-просветителей, идеи которых вскоре приведут к революции и будут стоить этой самой аристократии не только власти и богатства, но и головы. Графине д'Эгмон будущий герцог де Ришелье был обязан самой возможностью получить прекрасное образование: хотя Септимания умерла, когда Арману не исполнилось ещё и восьми лет, она успела поспособствовать тому, чтобы он был зачислен в коллеж Дю Плесси в Сорбонне, и у него появился лучший воспитатель — аббат Лабдан, под руководством которого дюк вскоре стал одним из самых образованнейших людей в Европе.

Существует легенда, что во время своего последнего приезда в Париж старик Вольтер предсказал 12-летнему Арману блистательное будущее. Насколько это правда — документальных подтверждений нет, но тёплая встреча действительно имела место, благодаря деду-маршалу, дружившему с Вольтером.

По окончании коллежа Дю Плесси в Сорбонне 15-летнего Армана Эмманюэля заставили скоропостижно жениться на всего лишь 12-летней девочке, Розалии Александрине, представительнице знатного рода Рошешуар. В нашей литературе этот брак обычно описывают так: увидев невесту, Арман Эмманюэль ужаснулся её уродству — но слово было дано, он обвенчался с ней, и сразу по окончании обряда он уехал за границу без неё. На самом деле это происходило совершенно иначе: современники описывали в своих мемуарах, не переведённых у нас, что в 12 лет Розалия вовсе не выглядела уродливо. Только несколько лет спустя, когда она повзрослела, два горба проявились до такой степени, что их никак невозможно было замаскировать платьями. Невеста в силу своего юного возраста ещё никак не могла жить с мужем, поэтому сразу по окончании свадебного обряда её увезли домой родители. Это не был исключительный случай — так было принято в те времена. Арман Эмманюэль уехал в своё первое заграничное путешествие только спустя несколько месяцев после свадьбы. Он выпросил себе портрет

Розалии, и существует свидетельство современницы, что в одном из замков, где он останавливался на ночлег, во время ужина он тайком под столом вытащил портрет своей жены и долго любовался им. На портрете была нарисована юная красивая девушка, и он был в ту пору влюблён в её образ.

За последовавшие два с лишним года Арман Эмманюэль объездил всю Западную Европу. Пятнадцатилетний юноша встретился с тремя из четырёх ведущих европейских монархов этого времени: шведским королём Густавом III, старым прусским королём Фридрихом Великим и австрийским императором Иосифом II, братом королевы Марии-Антуанетты, который изображён на этом портрете. С этим императором у Армана Эмманюэля было немало частных бесед, которые обогатили его образование, хотя к реформам Иосифа II Арман Эмманюэль относился очень критично. Вена стала любимейшим городом будущего герцога де Ришелье. Он вообще любил немцев, немецкий дух, их строгость и эффективность. На Европу 15-летний Арман Эмманюэль сразу произвёл сильное впечатление: начитанный вундеркинд с великолепным рациональным разумом, свободно обсуждавший экономику, торговлю, политику, промышленность и сельское хозяйство, а также военное дело. Он был полиглотом. В ту пору в его активе, кроме французского, было два мёртвых языка — латынь и древнегреческий, и несколько живых: свободный немецкий, а также английский, испанский, итальянский, позже прибавятся ещё русский и немного турецкий. Но главное, он поразил всех своим серьёзным характером, несвойственным молодым французам: отсутствием высокомерия, уважением к обычаям разных народов и стран, скромностью и добродетелью. Его аскетизм был вообще удивителен, поскольку он вырос в семье величайших развратников эпохи. На этот счёт у меня есть своя собственная версия, что он наверняка посмотрелся с раннего детства безобразных сцен и скандалов, видел много грязи, которую не стоило бы видеть ребёнку в таком юном возрасте, — и всё это могло вызвать у него сильное отторжение в духе «я — другой». Ко всему прочему, современники в своих мемуарах восхищались его красотой: Арман Эмманюэль был высоким и стройным, очень смуглым, у него были короткие чёрные волосы, вьющиеся естественными кудрями, горящие огнём огромные тёмные глаза, которые придавали его лицу выражение одновременно одухотворённое и пикантное, орлиный профиль и чувственный изгиб рта. Увы, у нас нет его портретов в ранней молодости.

По окончании путешествия Арман Эмманюэль вернулся домой, чтобы зажечь семейной жизнью с повзрослевшей Розалией. Но, увы, его дед и отец вывели к нему навстречу маленькое горбатое чудовище. Это разбило сердце юноши, разрушило все его мечты — и в ту же ночь

он уехал обратно в Вену. Спустя какое-то время он вернулся и начал делать карьеру во Франции, но о семейной жизни уже не было и речи.

Карьера тоже не приносила ему удовлетворения, поскольку в ней не реализовывались его личные качества: всё было построено за счёт того, к какой титулованной семье принадлежал человек. В итоге он стал майором гусарского полка Эстерхази, хотя ни разу по-настоящему не нюхал пороху, и в Версале исполнял обязанности первого камердинера короля Людовика XVI, потому что дед-маршал незадолго до своей смерти уступил ему эту должность. Арман Эмманюэль ненавидел всё это и мечтал проявить себя иначе. В ту пору он рвался в Россию, на русско-турецкую войну, но Людовик XVI не отпустил его, и пришлось Арману Эммануэлю надолго забыть об этой мечте. В те времена юный граф де Шинон с сочувствием относился к идеям революции, потому что желал изменить прогнившие порядки. Позже его жена напишет в своих воспоминаниях: «Счастье людей — это была мечта всех прекрасных душ». Однако эту идеалистическую мечту вскоре разрушила реальность: взятие Бастилии, гибель друзей-аристократов от рук разгневанных народных масс, кровавый террор, угроза жизни короля и королевы.

Арман Эмманюэль без колебаний принял сторону роялистов. В страшный день 5 октября 1789 года он проделал пешком путь из Парижа в Версаль через леса, чтобы срезать дорогу и успеть предупредить короля и королеву, что на Версаль движется крайне агрессивная толпа. Существует даже легенда, будто его своевременное предупреждение помогло спасти в тот день жизнь Марии-Антуанетте. Однако его участие не могло как-то существенно изменить ситуацию: на следующий день Арман Эмманюэль сопровождал короля в его насильственном возвращении в Париж и был глубоко шокирован кровавым адом, который творился вокруг.

В это время умер австрийский император Иосиф II, и под предлогом присутствия на коронации его брата Леопольда II во Франкфурте Арман Эмманюэль ненадолго вырвался из ада Французской революции и отправился путешествовать по Германии, после чего остановился в Вене у друзей. После недолгого пребывания в своём любимом городе он с тяжёлым сердцем собирался вернуться во Францию, но «его звезда в это время ему готовила иную участь, о которой он тогда даже не догадывался»: во время ужина у принца де Линя русский курьер принёс весть о планировавшейся осаде Измаила. На этом ужине присутствовали ещё два друга Армана Эмманюэля — принц Шарль де Линь-младший и граф де Ланжерон. Трое молодых людей, не колеблясь ни минуты, решили стать добровольцами и рванулись в Россию, чем сильно удивили всю Вену и вызвали её порицание. В кратчайший срок они добрались до Бендер, где находился штаб князя Григория Потёмкина, поразивший

их своей роскошью, после чего они отправились под стены осаждённого Измаила, где поступили под начальство адмирала де Рибаса.

Штурм Измаила покрыл славой нашего героя: он проявил себя не только как храбрый офицер, но и спас жизнь восьмилетней турецкой девочки, благодаря чему позже стал прототипом главного персонажа в поэме Байрона «Дон Жуан» в главах об Измаиле. Спустя три месяца герцог был удостоен ордена Святого Георгия 4-го класса и именного оружия — золотой шпаги «За храбрость». Для князя Потёмкина молодой герцог де Фронсак, будущий Ришелье, стал одним из двух самых уважаемых им иностранцев: по свидетельству современника, Потёмкин высоко оценил мудрость, скромность и доблесть молодого человека. Возвращение героев в Вену оказалось триумфальным — поздравления сыпались на них отовсюду. В этот период Арман Эмманюэль узнал о смерти своего отца. Отныне титул главы семьи герцога де Ришелье перешёл к нему вместе с несметным количеством долгов, оставшихся от предков. Арману Эмманюэлю пришлось вернуться в революционный Париж в феврале 1791 года — ситуация там была ужаснее, чем при штурме Измаила. Король вновь призвал Армана исполнять обязанности первого камергера, но не доверял ему и скрыл от него свой план побега, чем глубоко шокировал герцога, готового помогать королю во всём. По свидетельству жены герцога Розалии, Арман Эмманюэль узнал о побеге короля только от его слуги, после чего, глубоко расстроенный, приехал к своей супруге. Но судьба, по-видимому, хранила Ришелье для нас: королевская семья была арестована в Варенне и не утянула герцога за собой на эшафот. В этот период Ришелье получил очень тёплое письмо от Потёмкина с предложением вернуться в русскую армию, и это помогло ему получить официальное разрешение Национального Собрания на отъезд в Россию. Таким образом, он уехал не в качестве эмигранта. По всей видимости, герцог ещё выполнял некое тайное поручение от короля, передавал некие документы в Вену и связывался с эмигрантами.

В Вене он встретился с принцем Нассау-Зигеном, который согласился представить его Екатерине II в Санкт-Петербурге. Ришелье был замечательно принят императрицей, произведён в полковники, получил полк в Тобольске и был допущен в самый ближний круг Екатерины. Но военная и политическая ситуация в Европе только обострялась, и Ришелье был направлен к армии французских эмигрантов, возглавляемой принцем Конде. Он не поступил на военную службу, он присутствовал там только в качестве наблюдателя и переговорщика. Именно Ришелье привёз принцу Конде от Екатерины II деньги и предложение о переселении французских эмигрантов на земли Приазовья. План новой колонии был подписан Зубовым и снабжён многочисленными

комментариями, написанными рукой Ришелье, — комментариями обескураживающей точности, учитывая, что он сам никогда не был раньше в этом регионе. Но разум будущего гениального колонизатора, как называют его во Франции, уже здесь проявился во всём блеске. Однако этот проект не получил развития, поскольку высокомерные аристократы попросту отказались селиться в неизвестной им провинции, далёкой от Санкт-Петербурга и Москвы. Ришелье был этим сильно разочарован. Только спустя пять — шесть лет корпус Конде решится поступить на российскую службу. В этот сложный период Ришелье вёл себя как эмигрант высокого полёта, полудипломат, полувоенный, везде в Европе чувствующий себя как дома и ставший эффективным посредником во имя помощи своим соотечественникам за границей. Он всегда отказывался жить как обыкновенный французский аристократ-эмигрант, рядом с Бурбонами, — и Бурбоны в будущем ему этого не забудут и не простят. Впрочем, в те годы Ришелье не верил в саму возможность реставрации Бурбонов во Франции.

Несмотря на то, что дюк не воевал в армии Конде, а только сопровождал её в качестве дипломата, во Франции его приравнивали к эмигрантам, лишили всех прав и всего имущества, даже посадили в тюрьму его жену, и обратная дорога на родину оказалась для него закрыта. Тогда после завершения проекта с Конде Ришелье изъявил желание вновь отправиться на войну. Герцог испросил разрешение у Екатерины II и вместе с Ланжероном присоединился в качестве добровольцев к австрийской армии. При этом оба они отправляли свои отчёты в Санкт-Петербург. В этот период на родине Ришелье не ждало ничего, кроме тюрьмы и гильотины, и это был единственный случай в его жизни, когда он воевал против Франции и французов. Тем не менее при Реставрации забудут этот эпизод, случайно или намеренно, и для современников он останется человеком, никогда не воевавшим против Франции. Эта военная кампания шла с переменным успехом. Тем не менее завершилась она позитивной для роялистов новостью о казни Робеспьера. Перед Ришелье встал выбор — остаться в Вене или вернуться в Россию. Притяжение России оказалось сильнее.

Однако за время отсутствия Ришелье и Ланжерона ветер в Санкт-Петербурге сильно переменился и решительно повернулся против французов. Сам Ришелье считал свою неожиданную немилость у императрицы результатом интриг графа Эстерхази. Чтобы получить подтверждение своего места полковника, Армана Эмманюэля заставили искать помощи у всемогущего фаворита Екатерины Платона Зубова. Но, придя к нему и понаблюдав за обстановкой вокруг, Ришелье был настолько шокирован, что молча развернулся и ушёл. Ему проще было добывать себе военное звание шпагой в бою, чем заискивать перед на-

пыщенным ничтожеством. Сама Екатерина II вмешалась в эту историю и заставила Ришелье склониться перед Зубовым. Но благодаря графу Моркову, влиятельному дипломату и ставленнику Зубова, дело в итоге уладилось: Ришелье с Ланжероном получили свои обещанные полки, и даже отношения с Зубовым наладились. Ришелье отправился в Вольну, где стоял его полк. Именно в это время Арман Эмманюэль нашёл себе преподавателя русского языка, и восхищенный Ланжерон в своих записках отметил, что благодаря своей блестящей памяти Ришелье запоминал по пятьсот слов в день!

Смерть Екатерины II стала ударом для Ришелье, ибо от Павла I он не ожидал ничего хорошего. Однако, вопреки всем негативным ожиданиям, Павел поначалу произвёл Ришелье в генерал-майоры и дал ему кирасирский полк императрицы, расквартированный в Царском Селе, что приблизило его ко двору. Тем не менее характер нового императора оказался крайне переменчивым, и все, кому он поначалу покровительствовал, внезапно и без причин лишались его милости. Поводами для придирок становились легчайшие промахи при параде в Гатчине или отданное солдатам распоряжение Ришелье тушить пожар без согласования с императором. Замученный придирками Ришелье был вынужден подать в отставку. Некогда наследник колоссального состояния, уничтоженного революцией, теперь он жил в Польше, а потом в Вене в самой крайней нищете, на последние гроши.

Но ситуация вскоре вновь изменилась: Павел I был убит заговорщиками, и на трон взошёл Александр I, которого связывали с Ришелье самые дружеские отношения. Во время царствования Павла I Александр часто поверял Ришелье свои печали и тревоги, оказывал полное доверие и высоко ценил его советы. Герцог поздравил Александра с восхождением на престол и получил замечательный ответ, который призывал его в Россию.

С такой мощной поддержкой Ришелье наконец-то мог попробовать добиться во Франции исключения своего имени из списка эмигрантов и возвращения своего имущества. Герцогине де Ришелье даже показали готовый документ, уже подписанный лично самим Первым консулом Бонапартом, и сказали, что Ришелье должен приехать самолично, чтобы забрать его. Но эта ситуация оказалась обманом и ловушкой. Ришелье вернулся во Францию в начале января 1802 года, где он был прекрасно встречен знатью, дамы находили в нём героизм, а вот правительство отказалось выдать обещанную бумагу, запретило ему носить русскую военную форму и русские ордена, и полиция Фуше установила за ним слежку. Четыре месяца спустя герцог получил ультиматум, которым его обязывали принести клятву верности Республике (что заставило бы его принять амнистию от Бонапарта, а значит, признать себя виновным),

и отказаться от звания российского генерал-лейтенанта (что ставило под удар его дружбу с Александром I). Ришелье не мог принять подобных условий. Несмотря на обещания, что его ждёт блестящая карьера во Франции, Ришелье остался негибким. В своих коротких воспоминаниях, не переведённых у нас, герцогиня де Ришелье описывала, как ходила во дворец Мальмезон к Жозефине с ходатайством. Жозефина сильно удивилась, что этот документ об исключении из списка эмигрантов ещё не передали герцогу, потому что он действительно уже давно существует, и обещала помочь. Довольная успехом своей миссии, Розалия вернулась домой, но Арман Эмманюэль встретил эту новость скептически. И действительно, никакой помощи они не дождались. Тогда герцог написал лично Бонапарту «очень благородное письмо», но ответа не получил. Бонапарт не любил людей независимых и с критическим разумом. Как раз в это время в театре была поставлена пьеса про Эдуарда Стюарта, тщетно пытавшего завоевать потерянную для него корону Англии. На премьере Ришелье сидел в ложе, лицом к ложе Первого консула. Герцог позволил себе слишком явственно аплодировать роялистским намёкам, рассыпанным в пьесе. На следующий день он получил приказ покинуть Париж за 24 часа и Францию за неделю. Позже Ришелье разрешили вновь вернуться во Францию — однако о получении нужного документа пришлось забыть, и герцог покинул родину в очередной раз ни с чем. Он вернулся в Россию. Только год спустя, находясь в России, он получил новость о том, что его всё-таки исключили из списка эмигрантов, что ему разрешалось оставаться на службе в России при условии его возвращения во Францию по первому зову. Но из былой собственности ему вернули совсем немного, и то он был вынужден сразу же продать с аукциона (включая замок Ришелье, после этого разобранный по камешку), чтобы покрыть многочисленные долги, оставленные ему в наследство разгульными предками.

В России Ришелье предложили либо продолжить военную карьеру, либо стать градоначальником в Одессе, и он выбрал второе. Надо сказать, что эта новость устроила и правительство Бонапарта, поскольку на новом посту Ришелье мог способствовать торговле России с Францией. Прибыв в Одессу, герцог ощутил себя так, словно он оказался на самом краю Земли, ибо Одесса в то время была жалкой захудалой деревенькой с высоким уровнем преступности. Оценив масштаб проблем, герцог писал в декабре 1804 года: «Всё это легко покажет вам грусть, которой я был охвачен, когда вступил в свою новую должность, и я надеюсь, вы меня простите, но я проклял тот момент, когда я её принял». Однако каждый строит свой рай своими собственными руками, и Ришелье засучив рукава принялся каждодневным тяжелейшим трудом творить истинное чудо. В итоге его усилий Одесса поистине расцвела. По сути,

Ришелье прорубил «южное окно в Европу», и свободная торговля обогатила город. Производить как можно больше для того, чтобы можно было больше вывозить, и вывозить как можно больше для того, чтобы развивать производительные силы страны, — вот в чём заключалась основная идея экономической системы Ришелье. Люди со всех концов света переселялись в Одессу, говорившую на множестве языков мира. Ришелье способствовал не только обогащению города, но и образованию его жителей и развитию культуры. К примеру, удивительны воспоминания друга Ришелье, коммерсанта Шарля Сикара: «Когда герцог начал строительство оперного театра в Одессе, во всём городе только он один был безусловно уверен, что там однажды будут играть, и над этим подшучивали; когда он начал строить новый карантин, мы задавались вопросом: зачем? Здание находили слишком огромным; а позже оно оказалось чересчур тесным, хотя было вполне достаточным». Одесситы той эпохи не верили в то, что можно создать в Одессе оперный театр!

В 1805 году полномочия успешного губернатора расширились, и Ришелье возглавил весь Новороссийский край, в состав которого входили Николаевская, Херсонская и Таврическая губернии с Азовским побережьем. Кстати, в ту пору название «Крым» употреблялось для обозначения не только Крымского полуострова, но и других территорий бывшего ханства: причерноморских земель нынешних Одесской, Николаевской и Херсонской областей. Герцог стал куратором гражданских служб в Тавриде и сделал немало полезного для Крыма. Среди его добрых деяний — развитие соляных промыслов на крымских озёрах, обустройство грязелечения в Евпатории, создание Никитского ботанического сада, заметное расширение площадей, занятых лавровыми, оливковыми и тутовыми деревьями (последние использовались в российском шелководстве). При герцоге были заложены первые на Южном берегу Крыма плантации французского винограда. Ришелье занимался вопросом обороноспособности Крыма, а также проблемами духовной жизни. Именно под патронатом Ришелье в Симферополе начали возводить Александро-Невский кафедральный собор, но тогда он находился на месте нынешней гостиницы «Украина». Его строили французские подрядчики и уже довели до уровня крыши, но из-за войны 1812 года им пришлось покинуть Крым. Собор около 10 лет простоял недостроенным, пришёл в аварийное состояние и был разобран. Ришелье уделял внимание образованию молодёжи и однажды самолично принимал экзамены в первой гимназии в Симферополе.

В этот период его венценосный друг император Александр советовался с Ришелье не только по вопросам его губернаторства, но и по вопросам европейской политики (что в будущем явно повлияло на желание императора видеть Ришелье премьер-министром Франции). За 10 лет

Ришелье совершил семь поездок из Одессы в Петербург, «от Чёрного моря к Белому», как любят писать за границей — весьма далёкое расстояние по тем временам. Там император и обсуждали положение в Швеции, приезд прусского короля в Петербург, франко-австрийский конфликт. Во время третьей русско-турецкой войны Ришелье считался человеком, лучше всех информированным о Турции. И в последние дни марта 1812 года перед отправлением в Вильно Александр обсуждал с Ришелье будущий план кампании русской армии против Наполеона. Граф де Рошешуар писал в своих Мемуарах, что Ришелье целыми днями не выходил из кабинета императора.

Когда в 1812 году началась война с Наполеоном, Ришелье в своей знаменитой речи в Одессе призвал русских явить себя истинными русскими и посоветовал всем проживающим здесь народам доказать свою благодарность России за предоставленный им кров. Герцог также пожертвовал всё своё состояние — 40 000 рублей — на борьбу с Наполеоном. Для Ришелье Наполеон являлся причиной многочисленных бед и европейских катастроф. Герцог совершенно не разделял его захватническую политику по отношению к странам Европы и считал Наполеона человеком, бессовестно транжирившим людские жизни (в том числе и французов) во имя своих честолюбивых планов. Непомерные амбиции и раздутое эго Наполеона вызывали отвращение у Ришелье, который, напротив, всегда был рациональным созидателем и очень скромным человеком. Кроме общечеловеческих причин имелись и личные причины для ненависти, ибо руки Наполеона были обогреты кровью безвинно казнённого герцога Энгийенского, воспитателем которого был аббат Лабдан, бывший воспитатель Ришелье. Мудрости аббата Лабдана Ришелье был обязан своими глубокими познаниями и приобретёнными идеалами. После расстрела герцога Энгийенского старый аббат сошёл с ума от горя. Дюк забрал сумасшедшего старика в Одессу, где тот доживал свои последние годы в его доме. Нападение на Россию, которую герцог считал своей второй родиной, стало последней каплей. Герцог собирался на войну, но судьба распорядилась иначе: Одессу настиг другой чудовищный удар — эпидемия чумы, с которой Ришелье боролся самым героическим образом и не допустил её распространения по всей России, чем оказал огромную услугу своему новому Отечеству. Поэтому вся военная кампания прошла без его активного участия, и после победы над чумой герцог тяжело переживал свою оторванность от главных событий своей эпохи.

Во время Венского конгресса император Александр внезапно вспомнил о Ришелье и призвал его в Европу. В Одессе состоялось трогательное прощание, и у людей было тяжёлое предчувствие, что герцог уезжает навсегда. На Венском конгрессе Ришелье желал обсудить с императором

проблемы вверенного ему края, однако внезапно выяснил, что интересы императора изменились. Кому нужны экономические проекты на берегах Чёрного моря, когда есть польский вопрос, саксонские и германские княжества! Аудиенция, которую герцог прождал целый месяц, в итоге прошла не очень хорошо: Александр всё время говорил только об идее военных поселений, которые он недавно увидел в Венгрии и пожелал создать такие же в России. Герцог предостерегал императора против этой опасной затеи, но всё оказалось бесполезно. В итоге Ришелье оставил конгресс и отправился во Францию.

Но Франция ужаснула и разочаровала его. За многие годы отсутствия на родине он сотворил в своей памяти образ, который, как оказалось, не имел ничего общего с реальностью. Ситуация в стране не очень отличалась от той, которую он видел во время революции, когда покидал страну. Ришелье писал в Одессу: «Национальный характер полностью извращён. Народ ведёт себя жестоко, грубо, чего раньше у него никогда не было. Его религиозные чувства не могут быть слабее и реже. Вышестоящий класс думает только о том, чтобы расталкивать друг друга, обогащаться, занимать посты: все средства для него хороши, чтобы выдвинуться вперёд. Вы были бы удивлены, если бы я рассказал вам подробности того, что я вижу каждый день. Бюрократия в десять раз хуже, чем в России. В различных министерствах более десяти тысяч писем выкидываются в топку. Я ещё не видел никого, кто не счёл бы себя способным занять сразу все места в администрации, при условии, что они все являются доходными, а таковыми являются почти что все».

В парижских салонах его встретили со смесью почтительности и интереса, но также и удивления. Его облик нашли «полурусским», удивлялись его «лёгкому акценту», его «речевым оборотам» и его немного иностранным манерам. Поразительно, что никто в Париже и не подумал расспрашивать его о пребывании в России. Г-жа де Шастене призналась почти сконфуженно, что она была единственной, кто с ним говорил об Одессе. Для многих берега Чёрного моря более или менее походили на Тартарию, и никто не знал, где находится Херсон. В это время Наполеон внезапно сбежал с острова Эльба, высадился в заливе Жуан, и начались «Сто дней». Герцог был глубоко шокирован происходящим вокруг него: «Я видел все предательства, все подробности редкостного вероломства, в которые я не смог бы поверить, если бы они не происходили прямо на моих глазах... Я видел этих бесчестных солдат, кричавших сегодня “Да здравствует король!” во всё горло, и на следующий день переходивших к Бонапарту. Признаюсь вам, что никогда никакое событие в моей жизни не произвело на меня подобного впечатления».

Ему пришлось оставить Париж перед самым прибытием Бонапарта, так же, как королю и всем придворным. Ришелье вернулся в Вену к им-

ператору Александру и желал воевать против Наполеона, но Александр отказался предоставить ему командование: по всей видимости, у него уже были другие далеко идущие планы насчёт Ришелье. Герцог стал посредником между Александром и Людовиком XVIII.

После известной победы над Наполеоном при Ватерлоо Ришелье снова вернулся в Париж, где Талейран, ощущавший себя не слишком прочно сидящим в кресле премьер-министра, пытался включить его имя в разные составы своего министерства, однако Ришелье отказывался от всех предложений. Французы сочли это политически дальновидным, а он просто не желал вмешиваться в грязные дела и стремился при первой же возможности вернуться в Одессу. Ришелье писал Ланжерону: «Я не скрою от вас, что вернусь с самым огромным удовольствием; всё, что я увидел здесь, отталкивает меня самым решительным образом. Вы не представляете состояния этой несчастной страны, разграбленной и разрушенной иностранцами и националистами, старающимися превзойти друг друга. Кажется, во Франции не знают, что такое управлять, и ограничиваются эксплуатацией этой страны в качестве людей и денег».

Багаж герцога уже был на пути в Одессу, когда вдруг сообщили об отставке Талейрана — и весь мир принялся уговаривать дюка занять место премьер-министра. Все его будущие враги-ультрароялисты в то время шли к нему на поклон, некоторые даже падали на колени и умоляли его спасти Францию. Всем герцог отказал, и только императору Александру не смог. Ришелье был действительно в отчаянии. Лишённый амбиций и стремлений эгоистичного самоутверждения, жажды власти и богатства, он видел только ту пропасть, в которую катилась Франция, и из которой её никто не мог выгнать. Пропасть — это переговоры о мирном договоре с союзниками, где проигравшей все войны Франции поставили позорные условия и желали её расчленить, «Бесподобная палата» ультрароялистов в парламенте, которая взывала о крови и мщении, и совершенно неуправляемая страна, оккупированная четырьмя сильнейшими европейскими армиями. Однако французы, вне зависимости от своих политических пристрастий, в тот момент объединились в желании видеть премьер-министром именно герцога де Ришелье, успешного администратора из «варварской страны», человека порядочного, сердечного и разумного, без аристократического чванства и неоправданных претензий, который был новым человеком на политическом горизонте Франции, непричастным к былым ошибкам, и с которым иностранные власти были бы счастливы иметь дело. «Это была жемчужина гран-при» — писал о нём либерал герцог де Брольи. Даже мадам де Сталь, которая была подругой Талейрана, восторженно приветствовала назначение Ришелье, поскольку знала, сколько он может сделать хорошего для Франции. Удивительно, что даже побеждённый

Наполеон с острова Св. Елены приветствовал именно такой выбор короля: «Герцог де Ришелье, в добрый час. Как я понимаю, он ничего не знает о нашей Франции; но это само воплощение чести, это хороший француз». Видя такое всеобщее одобрение, радость и восторг, Талейран от зависти кусал локти, и тогда появилась эпитафия про француза, который лучше всего знает Крым. В будущем Талейран приложит все свои интриганские усилия, чтобы свергнуть Ришелье, и, увы, слишком многого сможет достичь.

Для возрождения Франции необходимо было расплатиться с союзниками, восстановить доверие и в Европе, и внутри страны, вернуть себе контроль над государством, прекратить как можно скорее военную оккупацию. Но откуда разорённой стране взять такие большие деньги?

До сих пор, когда государство нуждалось в деньгах, оно знало только три способа их получить: налоги, займы или печатание денег. Ришелье не желал использовать ни один из трёх, видя их бесперспективность. У него и у банкира Увара появилась другая идея, обычная для сегодняшнего дня, но гениальная для их эпохи: выплачивать причитающуюся компенсацию за рубеж за счёт самих иностранцев, и они этого сами не заметят. Каким образом? Путём заимствования необходимых средств в крупных европейских банках. Имя Ришелье везде было гарантом надёжности, поэтому он смог получить разумные процентные ставки и длительные сроки, гарантированные экономическим подъёмом, который постепенно вырисовывался во Франции и который смог бы только усилиться благодаря предоставленным капиталам. «Кредит Ришелье» имел головокружительный успех. Он не только создал благоприятные условия для возрождения Франции, но отныне он заинтересовал этим Европу.

В итоге идеи Ришелье были высоко оценены на Аахенском конгрессе в 1818 году: герцог смог заплатить всю необходимую сумму контрибуции, оккупационные войска были выведены из Франции на два года раньше планировавшегося срока, и, самое главное, он смог вернуть Францию в число великих держав мира, и четверной союз (Россия, Англия, Австрия, Пруссия) стал альянсом из пяти стран. И всё это — всего лишь за три года и три месяца! Убеждена, что более эффективного политического деятеля в истории просто не существовало. Именно на Аахенском конгрессе величайший портретист того времени Томас Лоуренс нарисовал знаменитый портрет Ришелье, который сейчас висит в Виндзорском замке, в зале Ватерлоо, и является собственностью английской королевы. Большинство других портретов и гравюр Ришелье, в том числе портрет в русской форме работы Юбера, были нарисованы уже посмертно и именно с этой картины.

Тогда же был сделан и бюст, для которого Ришелье позировал сам. Бюст был отправлен в Одессу на память о герцоге, чтобы он стоял

в Ришельевском лицее, но бюст туда не попал и остался в доме губернатора. Ришелье триумфально вернулся в Париж. В Опере ему устроили грандиозную овацию, как и в тот раз, когда он разогнал «Бесподобную палату». Недовольным этой ситуацией вновь остался один лишь Талейран, поскольку дипломатические успехи, по его мнению, мог иметь только он один. Талейран прозвал Ришелье по этой причине «Принцем Эвакуации». Однако у гения всегда полно завистников. Увидев, что ситуация в стране изменилась к лучшему и пост в правительстве из самоубийственного стал очень привлекательным, интриганы активизировались. Устав от этой бесплодной возни, Ришелье подал в отставку. Людовик XVIII пожелал блистательно наградить Ришелье за его успехи, но он отказался от любых вознаграждений и мечтал совсем о другом: «Я бы отдал всё, чтобы уехать поскорее на отдых в Гурзуф...» — признался он императору Александру во время Аахенского конгресса.

Но теперь, даже после отставки, было невозможно не слышать обвинений в предательстве и шпионаже в пользу России. Злопыхатели тут же сказали бы, что Ришелье едет продавать России секреты Франции. Поэтому вместо путешествия в Одессу и Крым герцог осуществил полный и тщательный тур по всей Франции, в течение которого предавался многочисленным политическим размышлениям. Странное путешествие представляла из себя эта поездка, похожая скорее на избирательную кампанию, ведомую человеком, который не являлся кандидатом ни на что. В Бордо он выступал с речью в пользу свободной торговли. В Марселе он занимался образованием. В Лионе он выступал за снижение налогов для устойчивого экономического роста. В Ландах он советовал посадку сосен, чтобы укрепить дюны (его послушали — и результат превзошёл все ожидания). В Ницце он советовал правительствам никогда не унижать своих граждан. Повсюду люди всех сословий встречали его восторженно и восхищённо, как «истинного короля Франции», как его позже назовёт знаменитый французский историк Жюль Мишле, которому повезло в подростковом возрасте получить награду из рук самого дюка. В королевском дворце Тюильри были сильно удивлены этим туром и подобной свободой речей. Повсюду по пятам герцога следовали не только королевские шпионы, но и влюблённая в него по уши королева Швеции Дезире Клари, жена бывшего наполеоновского маршала Бернадотта, нынешнего короля Швеции Карла XIV Юхана. Дезире Клари преследовала Ришелье много лет вплоть до самой его смерти, а он шараялся от неё, удивлённый её навязчивым поведением, и находился в полном убеждении, что на самом деле она шпионит за ним по приказу своего мужа. Высший свет эта скандальная история очень развлекала.

Вернувшись в Париж, Ришелье собирался уехать в Лондон на коронацию нового английского короля, дорожные сундуки уже были собраны...

Но в тот же вечер герцог Беррийский, сын наследника престола графа д'Артуа, был убит на ступенях Оперы.

Это убийство стало огромным потрясением, ибо герцог де Берри был единственным принцем среди Бурбонов, по состоянию здоровья способным дать наследника престола. У него уже была дочь, но не было сына. Династия Бурбонов прервалась. Однако оказалось, что его жена в этот период уже была беременна и спустя семь с половиной месяцев чудесным образом родила на свет мальчика. Этот «ребёнок чуда» заставил уверовать Францию в то, что Господь на стороне Бурбонов.

Арману Эмманюэлю вновь пришлось вернуться на должность премьер-министра. Он отказывался изо всех сил, хотя к нему вновь потянулись бесконечные делегации просителей из всех его врагов и интриганов. Только когда сам будущий король Франции Карл X, тогдашний наследник престола граф д'Артуа, встал перед Ришелье на колени и поклялся окровавленным телом своего сына, что не будет интриговать против герцога за его спиной, а скажет ему в лицо честно и открыто, если будет с ним не согласен, — только тогда дюк согласился принять этот пост. Увы, три месяца спустя граф д'Артуа был уже во главе всех оппозиций и всех интриг против Ришелье. Такой вот «убитый горем отец»... И ничего не стоило слово будущего короля Франции...

Чтобы работать как можно эффективнее и держать всё происходящее в стране под личным контролем, Ришелье впервые отказался от совмещения двух постов сразу — раньше премьер-министр должен был отвечать и ещё за какое-то другое министерство. Теперь он возглавлял правительство и работал по всем направлениям одновременно.

Ему приходилось яростно сражаться и против либералов, и против ультрароялистов в парламенте, т. е. против множества амбициозных людей, которые очень много говорят и убеждены, что знают всё лучше всех, но стоит их только допустить к власти — и будет полнейший крах. Ришелье не был блистательным оратором по меркам Франции, хотя великолепно писал письма и мемуары, но он умел эффективно делать реальные дела и творить истинные чудеса за кратчайший срок. Летом 1820 года в столице начались беспорядки, угрожавшие трону Бурбонов, Париж был близок к катастрофе, тем не менее Ришелье удалось спасти шатавшийся трон и дать ему отсрочку ещё на 10 лет. Во время своего второго министерства дюк сумел провести долгожданную реформу армии: из толпы предателей, мечущихся между королём и Бонапартом, армия стала надёжной опорой для трона и одержала победы после смерти Ришелье в Испании и в Алжире.

В стране был колоссальный экономический рост, огромный прогресс в промышленной сфере, активная торговля и финансовое благосостояние. Такие условия помогла создать политика Ришелье, основанная на сниженных налогах и свободном предпринимательстве. Повсюду

возводились новые дома. В провинциях царило полнейшее спокойствие, и люди оттуда удивлённо взирали на неумных и вечно бунтующих парижан, которые всё никак не могли поделить между собой доходные места и проталкивали свои безумные идеи, далёкие от реальности. Увы, всего лишь амбиции нескольких людей, интриговавших против Ришелье, прежде всего графа д'Артуа, с одной стороны, и Талейрана — с другой, разрушили благосостояние страны. Чудовищное объединение ультрароялистов и либералов в парламенте, казалось бы, невозможное с идейной точки зрения, имело только одну общую цель — смести Ришелье с министерского поста. Людовик XVIII, который не любил Ришелье, но обладал рациональным разумом, мог бы поддержать Ришелье, но не сделал этого. Эти двое столь непохожих друг на друга человека могли эффективно сотрудничать, но больного короля настигло старческое слабоумие, и он полностью поддался влиянию своего брата графа д'Артуа, с которым враждовал все годы Реставрации. Таким образом, свергнув Ришелье, д'Артуа ещё при живом короле взял всю власть во Франции в свои руки. Увы, эта цель была достигнута, что подготовило падение Франции в очередную революционную бездну, когда Бурбоны окончательно лишатся трона.

Любопытно, что после отставки Ришелье Талейран искал с ним встречи и сделал ему официальное предложение о политическом союзе, но герцог ответил, что может рассматривать подобное предложение только как злую шутку.

Последние месяцы жизни Ришелье были полны горечи. Он видел, в какую пропасть вновь катилась Франция, но ему не дали довершить его миссию до конца. Переживания полностью подорвали его здоровье, без активной деятельности он не мог жить, и в итоге Ришелье умер в 55-летнем возрасте. Тогда эту болезнь назвали «нервным ударом», сейчас — это инсульт. На похороны Ришелье не пришёл никто из королевского двора, зато множество простых людей со всего Парижа пришло проститься с ним. Королева Швеции рыдала днями и ночами в часовне в Сорбонне, где он был похоронен. Автором надгробия стал Этьенн Жюль Раме-младший. Оно изображает герцога де Ришелье при переходе в иной мир, и поразительно, что в некоторых старых источниках герцога называют Христом.

Сердце герцога похоронено не в Сорбонне. Жена Ришелье и две его сестры долго сражались друг с другом за его сердце, в итоге победила жена и увезла его в своё имение в замок Куртей. Спустя 8 лет вдова Ришелье умерла и соответственно своему завещанию была похоронена вместе с сердцем герцога в одной могиле. Такова была эпоха романтизма. В одном из своих писем Стендаль писал о Ришелье: «Он был

самым скромным, самым разумным из людей, самым честным, и его больше всех недостаёт для духа и разума».

Радостно отмечать 250-летие со дня рождения этого великого человека, когда находишься в стенах его собственного дома — первого здания европейского типа на Южном берегу Крыма и единственного сохранившегося дома Ришелье на всём постсоветском пространстве. Этот дом бережно хранит особую атмосферу его эпохи и поныне является одним из самых притягательных центров культурной жизни в Крыму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Emmanuel de Waresquiel. Leduc de Richelieu. Perrin, 2009.
2. Armand Emmanuel de Richelieu. Ma retraite du pouvoir.
3. Daniel de Montplaisir. Le duc de Richelieu, Homme d'Etat modèle.
4. G. de Bertier de Sauvigny. France and the European Alliance. The private correspondance between Metternich and Richelieu. Indiana, University of Notre-Dame Press, 1958.
5. G. de Bertier de Sauvigny. La Restauration. Flammarion, 1955.
6. Benoît Yvert. Premiers ministres et presidents du Conseil. Perrin, 2002.
7. Emmanuel de Waresquiel et Benoît Yvert. Histoire de la Restauration 1814–1830. Naissance de la Francemoderne. Perrin. 2002.
8. Rochechouart, comte de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris, Plon, 1892.
9. Crousaz-Crétet, Léon de. Le duc de Richelieu en Russie et en France. Firmin-Didot, 1897.
10. Pingaud, Léonce. Le duc de Richelieu en Russie. Le Correspondant n. 127, 1882.
11. Rambaud, Alfred. Le duc de Richelieu en France et en Russie. Revue de deux mondes, 1887.
12. Boigne, comtesse de. Mémoires. Mercure de France, 1982.
13. Molé, Mathieu. Le Comte Molé, 1781–1855, sa vie, ses mémoires, par le marquis de Noailles. Champion, 1922 — 1930.
14. Pasquer, Etienne-Denis, baron. Histoire de mon temps. Plon, 1893–1895.
15. Montholon, de. Récits de captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène. Paris, 1847.
16. Olivier Meslay. Sir Thomas Lawrence and France: The portrait of the duc de Richelieu. The British Art Journal, vol. 3, No. 2 (Spring 2002).
17. Paul Barras, Mémoires de Barras, membre du Directoire: Consulat — Empire — Restauration, vol. IV, Paris Hachette, 1895–1896.
18. Michelet, Jules. Varietes. Souvenirs de jeunesse. Le Temps, 17 août 1879.
19. Correspondance de Stendhal. Paris, 3 vol., 1908: Stendhal à M. Stritch, 5 août 1822, t. 2.
20. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, том 54. Герцог Арманд Эммануил Ришелье. Документы и бумаги о его жизни и деятельности. Санкт-Петербург, 1886.
21. Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793–1823. Одесса: Optimum, 2007.

22. Надлер В. Одесса в первые эпохи её существования. Одесса: Optimum, 2007.
23. Герцог де Ришелье. Градоначальник Одессы. Одесса: Optimum, 2003.
24. Херлихи П. Одесса. История. 1794–1914. Одесса: Optimum, 2009.
25. Балух Д. Одесса, которую мы забываем, книга 1. Одесса: Optimum, 2008.
26. Сухоруков В. Биографический словарь Крыма. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.
27. Широков В. А., Доля А. И. Симферополь. Улицы и дома рассказывают... Симферополь, Атлас-Компакт, 2008.

А. Медведева

Гурзуф

«Ни один французский государственный деятель не знает так хорошо Крымских дел, как герцог Ришелье»¹

Вне зависимости от контекста произнесённой министром фразы именно она точно характеризует работу герцога Ришелье в Крыму. Наша статья представляет собой попытку разобраться в истоках равнодушного отношения француза к полуострову.

Упоминание фамилии Ришелье у неподготовленного читателя ассоциируется с прототипом героя романа Александра Дюма «Три мушкетера» — кардиналом Ришелье. Выстраивая ассоциативный ряд, читатель редко отождествляет фамилию Ришелье с образом потомка коварного кардинала, герцога Армана Эмманюэля дю Плесси де Ришелье. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости дальнейшей активной работы по привлечению внимания общественности и распространению знаний об этом выдающемся французском деятеле, который оставил яркий след в истории и культуре России.

Из книги 1894 года, выпущенной к столетию Одессы: «Едва ли история знает человека, о котором все источники отзывались бы с таким единодушным одобрением... Сплошная похвала, воздаваемая и русскими, и иностранцами деятельности Ришелье, удивляет каждого... В его деятельности нет возможности указать ни одной темной точки».

Будучи представителем французской аристократии, Ришелье не принял Великую французскую революцию. Поэтому герцог покинул Родину и был тепло принят Александром I в России. Император любил шутить, что именно Французская революция подарила нам герцога Ришелье. Именно из-за неё он приехал в Россию, где впервые показал свою доблесть при штурме Измаила (и был удостоен Георгиевского креста 4-й степени и именного оружия «За храбрость»).

В 1803 году герцог Ришелье стал градоначальником Одессы, а спустя два года — генерал-губернатором Новороссийского края. В те времена Крым входил в состав Новороссийского края, и генерал-губернатор много сделал для Крыма.

В 1808 году Ришелье начал строительство дома для летнего отдыха в Гурзуфе. И это было первое европейское сооружение на Южном берегу Крыма. Дом строили медленно, так как личные средства Ришелье

¹ Слова Талейрана, министра иностранных дел Франции.

были ограничены, а в таком пустынном краю, который на тот момент представляла из себя Новороссия, отсутствовали дороги. Чтобы следить за постройкой дома, герцог отправлял из Одессы в Крым своего адъютанта, самому ему удалось провести в Гурзуфе лишь осень 1810 года, что уже является свидетельством ревностного отношения Ришелье к своим обязанностям. На фоне Гурзуфа, который, по свидетельству Сумарокова, насчитывал в то время всего 44 двора, дом Ришелье на высоком цоколе с бельведером казался огромным дворцом.

Парк, заложенный вокруг дома Ришелье, стал первым в Крыму регулярным парком. В нём росли кедры, миндальные деревья, магнолии, кипарисы, туи и другие растения. Ришелье выписал из Италии белую акацию и посадил в Гурзуфе, в Одессе. Он сам часто работал в саду: подрезал и поливал деревья, прививал их.

Сегодня, к сожалению, лишь некоторые владеют информацией об истинном основателе знаменитого Никитского ботанического сада. А им был именно герцог Ришелье, осознававший, как мудрый администратор, необходимость научного центра, чтобы развивать садоводство. Именно благодаря докладу Ришелье император Александр I ассигновал для этой цели 10 000 рублей, поручив генерал-губернатору учредительство сада. Ришелье сам выбрал место для будущего сада поблизости от брошенного греческого селения Магарач, считая, что оно «заклучало в себе выгоды, какие только желать можно».

22 июня 1811 года был подписан императорский указ об учреждении казённого экономо-ботанического сада. Именно для Крыма Ришелье стал выписывать из Франции новые сорта винограда, поощряя разведение лавров, оливкового дерева.

Директором сада был назначен Х. Х. Стевен, служивший до этого на должности помощника главного директора над шелководством в Южной России.

Однако из-за непрерывных дождей в июле 1811 года плоды трудов Ришелье в Крыму были почти полностью уничтожены.

Долины рек Альма, Кача, Бельбек наполнились водой, которая разрушала всё, что встречалось на пути: сады были наводнены, мосты разрушены, большие фруктовые деревья вырваны с корнем. Лучшие виноградники были залиты водой, занесены землей или завалены камнями. Ришелье поспешил в Крым лично осмотреть это страшное опустошение. Он с прискорбием доложил обо всём увиденном императору, прося выдать ссуду для пострадавших от наводнения владельцам.

Александр I отпустил из казны 100 000 рублей в ссуду на 8 лет без процентов. Под наблюдением Ришелье почти за 2 года всё было восстановлено. В том же 1811 году закончилось и строительство гур-

зуфского дома. Герцог провёл в своём крымском имении почти всю осень, это был его последний приезд в Гурзуф.

Несмотря на то, что в Крыму жил он совсем недолго, он и здесь пользовался, как и в Одессе, редкой любовью местных жителей: его адъютант Стемпковский уверял, что «таврические татары преданы ему, как отцу, не переставали жалеть о нём». Муравьёв-Апостол, путешествовавший по Крыму в 1820 году, писал: «Я не знаю человека, который бы оставил в чужом краю счастливейшую по себе память. Татары с умилением произносят имя Ришелье: оно здесь то же, что имя Лас-Казаса между дикими американцами. По нём пропадаем, говорил мне гурзуфский староста. Я сказал ему, что знаком с Дюком, и это мне послужило лучше всякого фирмана. С какою жадностью случившиеся тут татары слушали мои о нем рассказы».

Герцог Ришелье глубоко вникал в проблемы Новороссии, стремясь решить их с помощью умелой административной политики. Понимая, что прежние войны с Турцией значительно ухудшили благосостояние населения полуострова, он поставил перед собой задачу восстановить благосостояние Крыма. Ришелье обратил внимание на разработку соляных озёр Крыма, учредил соляные запасы, устроил пользование целебными грязями Кезлева — Евпатории. Он дал согласие в ответ на просьбу командира Балаклавского греческого батальона разрешить людям батальона заниматься кораблестроением, мореходством и торговлей и просил командира поощрять такие полезные дела.

В период Отечественной войны 1812 года Ришелье оказался в России в неоднозначном положении. Француз призывал жителей Новороссии быть истинными россиянами в борьбе с нашествием французов. Но делал он это искренне: он сам пожертвовал все свои сбережения — 40 тысяч рублей — на дело обороны России.

В 1814 году Людовик XVIII призвал Ришелье сформировать новое правительство, и после некоторого колебания герцог согласился. Он покинул Одессу 27 сентября 1814 года. Прежде чем покинуть русскую службу, представил на усмотрение государя императора целый ряд мероприятий на пользу Южной России, что является свидетельством искренней заботы герцога о вверенной ему русской земле. За заслуги перед Россией Александр I послал Ришелье во Францию орден Св. Андрея Первозванного при милостивом рескрипте.

«Давно уже, — писал император, — я сердечно желал дать вам доказательство моей благодарности. Минута, когда я мог лично убедиться в обширных размерах заслуг, оказанных вами областям, некогда вверенных вашим попечениям, показалась мне самым удобным к тому поводом, несмотря на положение, занимаемое вами ныне, благодаря доверию вашего государя и вашего отечества».

Последние годы Ришелье был совершенным бедняком. От родового богатства ничего не осталось, сбережения, сделанные за годы службы

в России, были пожертвованы в пользу русской армии в годы войны с Наполеоном. Он вынужден был даже продавать украшенные алмазами знаки своих русских орденов.

Герцог собирался посетить Новороссию. В одном из писем он вспоминал «о чистом, свободном воздухе наших степей» — речь шла о степях Новороссии. Но ему не суждено было снова увидеть Петербург, Одессу, Крым. 16 мая он скоропостижно скончался от нервного удара 55 лет от роду.

О преданности герцога Ришелье своей второй Родине и об увлечённости работой можно судить уже по фактам биографии герцога. Однако существует не менее важный источник, анализируя который, можно убедиться в любви и преданности герцога России. Этот источник — текст писем Ришелье. Если бы письма предназначались для печати, как часть мемуаров и т. п., можно было бы сомневаться в их искренности, но сомневаться не приходится, так как письма эти дальнейшей печати не предполагали и были адресованы знакомому Ришелье... Их адресатом был известный государственный деятель России граф Виктор Павлович Кочубей (1768–1834). Ришелье познакомился с ним в Вене в 1791 году, после чего их жизненные пути не раз пересекались.

Публикуемые документы хранятся в фонде В. П. Кочубея в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Фонд 387. № 50. Л. 1–7). Оригиналы написаны по-французски.

«Быть может, увы! Это одна из последних работ, посвящённых мною России и её августейшему монарху. Но что бы Вашему Величеству ни было угодно повелеть по отношению к моей судьбе, я чувствую, что всегда останусь вашим подданным в сердце, как был им 24 года по праву усыновления».

Преемником Ришелье в Одессе стал его ближайший друг граф Ланжерон. Весной 1818 года император Александр I посетил Южную Россию и был поражён успехами этого края, ставшего за время правления здесь Ришелье совершенно неузнаваемым.

В первом же письме Ришелье вспоминает о Новороссии: «У меня есть огромное желание вновь увидеть столь дорогие мне места, и в то же время уладить все оставленные там мелкие дела. Я получаю из этих краёв малоприятные во многих отношениях новости и, возможно, льщу себе, но мне кажется, что моё посещение могло бы принести некоторую пользу. Обстоятельства малоблагоприятны для торговли зерном, но во всём мире сейчас торговый кризис, который не может не ощущаться и на Чёрном море».

При этом он демонстрирует свой интерес к новостям с полуострова и сразу же предлагает мероприятия, способствующие улучшению положения.

Поздравляя друга с приобретением новой должности, Ришелье тут же напоминает о своём детище — Одесском лицее, который требует покровительства ответственного человека: «Пока я пишу это письмо, я узнал, что Вы назначены министром внутренних дел с почти такими же полномочиями, какие у Вас были прежде. От всего сердца поздравляю с этим Императора и Россию. Признаюсь даже, что ещё более сожалею из-за того, что вынужден более не быть русским, и начать то, что, кажется, в письме к Вам я назвал своей второй эмиграцией. Какое счастье было работать под Вашим покровительством, творить благо на юге России! Не знаю, относитесь ли Вы к этому событию, как я, но не могу удержаться от того, чтобы не порадоваться, видя, что такой человек, как Вы, призван оказывать столь большое влияние на судьбы страны, к которой я всегда буду привязан. Я прошу за это прощения у г-жи графини, которая, боюсь, не в восторге от того, что Вы вновь возлагаете на себя подобное бремя. Но я не могу думать иначе. Я сразу же умоляю Вас оказать поддержку одесскому лицее. Не знаю, что смог сделать аббат Николь, но уверен, что его заботы уже принесли самые счастливые плоды. Возьмите это заведение под свою защиту, и не допускайте, чтобы оно потерпело неудачу, это было бы действительно досадно, поскольку я убеждён, что со временем оно могло бы изменить облик значительной части южной России».

Своё следующее письмо герцог начинает с традиционного описания дел во Франции, высказывая своё разочарование в мелочности и неискренности французских политиков — и заканчивает обращением к значимой для него теме, к теме Новороссии: «Я получил письмо от аббата Николя, которое причинило мне чрезвычайную боль; я вижу, что трудности, которые он испытывает относительно своего положения в лицее, закончатся тем, что его вынудят вовсе отказаться от руководства им, результатом чего станет крах этого заведения. Это вызовет у меня страшную печаль, к которой присоединится, признаюсь Вам, сожаление о принесённой в жертву доброй части моего небольшого состояния — жертву, сегодня невозполнимую. Ради Бога, если Вы можете чем-то здесь помочь, если претензии аббата справедливы и не лишены оснований, как я сужу по сведениям, собранным из разных источников, помогите нам выйти из затруднения. Мы полагали, что основали не губерньскую гимназию, а лицей, независимый от Харьковского университета, надзор которого мог нанести лишь вред, в чём я убедился, ещё находясь там. Наконец, позвольте мне вверить это дело Вашей дружбе и Вашей заинтересованности; у меня есть некоторое право принимать довольно живое участие в этом заведении, и если я отношусь к нему слишком горячо, надеюсь, что мне не поставят это в упрёк».

Показательна в данном случае и скромность, с которой Ришелье говорит о своём праве принимать участие в делах основанного им лицея.

Не получив ответа, герцог пишет новое письмо, которое, аналогично предыдущим, начинает с описания дел в политике Франции, а завершает обсуждением волнующих вопросов. Как мы можем догадаться по контексту, должных мер по сохранению лица принято не было, положение ухудшается, но герцог и тут не сдаётся и требует для своих подчинённых хотя бы справедливого вознаграждения за труды: «Поскольку аббат Николь уезжает, разве не будет справедливым выплатить ему издержки, которые он понёс, стараясь обеспечить возглавляемое им заведение служащими, книгами, инструментами и т. д. ? Мне кажется, что эта компенсация была бы справедлива, но поскольку, судя по всему, он сам о ней не попросит, позвольте мне ходатайствовать за него и будьте добры поддержать меня».

Так, не по эмоциональным публичным выступлениям и не по предназначенным для массового прочтения мемуарам героев — но по их поступкам и по кругу вопросов, поднимаемых ими в переписке и, очевидно, волнующих их, мы можем судить о настоящем характере человека. О глубоко небезразличном отношении Ришелье к своей второй Родине, о неспособности забыть о проблемах Крыма, ставшего родным даже после отъезда во Францию, о готовности всегда предпринимать все возможные меры для улучшения положения дел и процветания края.

Список использованных источников

1. Интересная Одесса. Арман Эмманюэль дю Плесси герцог Ришелье // <http://odessa-flat.com/html/duk.html>
2. Крымология. Ришелье, Арман Эмманюэль дю Плесси // <http://krumology.info/index>.
3. Французский ежегодник 2003. — М., 2003. — С. 165 — 181. // <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Polevshikova-2003.html>
4. Мой город — Херсон. Чем Херсон обязан герцогу де Ришелье // <http://www.mycity.kherson.ua/avtory-ag/skorohod/rishelie.html>
5. Биография. Ришелье Арман Жан дю Плесси // <http://biography.su/politiki/risheljo-arman-zhan-dyu-plessi>
6. Форум Крыма. Русская судьба герцога де Ришелье // <http://www.perekop.info/russian-destiny-of-duke-de-richelieu/>
7. Сборники императорского русского исторического общества в сети // http://mir.k156.ru/sirio/sirio_index.htm

С. М. Дремлюгина

Гурзуф

Парк Ришелье в Гурзуфе: этапы развития

Южный берег Крыма был и остаётся центром внимания по многим направлениям, в том числе и в организации украшающих его старинных парков — Алушкинского, Массандровского, Форосского, Мисхорского.

Парк в Гурзуфе — один из образцов паркового искусства на Южном берегу Крыма; создание этого парка может служить примером развития садово-паркового искусства в Крыму.

Самые разнообразные составляющие и тенденции явились отражением целого ряда философских идей при паркостроении ЮБК. Образ парка создавался в пространственном восприятии.

Искусство создания садов, парков и других озеленяемых территорий (садово-парковое искусство) включает в себя планировку и разбивку садов и парков, подбор растений для различных климатов и почв, размещение и группировку растений в сочетании с архитектурой, дорогами, водоёмами, скульптурой. Многообразные приёмы садово-паркового искусства подчиняются двум основным принципам — регулярному (геометрическому) или пейзажному (имитирующему естественный ландшафт). Пейзажный и лёг в основу создания парка Ришелье.

Парк Ришелье с его «естественной природой» задумывался как неотъемлемая часть создававшейся первой усадьбы в европейском стиле на Южном берегу Крыма в начале XIX века.

Концепция парка — «отражение великого в малом» [1]. В связи с этим интересна история создания парка и имения, изменение и реформирование усадьбы.

Южный берег Крыма в конце XVIII — начале XIX века представлял собой скалистый, каменистый край, где земли имели символическую цену, так как для их освоения требовались немалые затраты. Незрелость транспортных связей между Россией и Крымом делало эти земли ещё менее привлекательными.

С присоединением Крыма к России началось усиленное освоение края, земельные участки активно раздаривались и продавались. Стали возникать имения с садами и парками. Но южная природа поставила свои преграды в развитии паркостроения: недостаток воды, гористая местность, прибрежное положение. Заложить и вырастить парк в таких условиях — огромная кропотливая работа. Прочные основы развития садов и парков в Крыму заложены в 1812 году с основанием Никитского ботанического сада.

Имение Ришелье в Гурзуфе стало первой усадьбой французского герцога на Южном берегу Крыма.

История парка и усадьбы начинается с 1808 года, когда генерал-губернатор Новороссии и Крыма, герцог Арман Эммануэль дю Плесси де Ришелье (1766–1822) приобрёл в Гурзуфе большой участок земли, простиравшийся по берегу моря. Этот парк входил в авторский проект гурзуфской дачи.

Строительство парка включает несколько этапов.

В 1808 году Ришелье начал строить дом для летнего отдыха в Гурзуфе, строительство завершилось в 1811 году. Работа продвигалась медленно, ускорить её в пустынном крае, где отсутствовали дороги, было трудно, тем более что и личные средства Ришелье были ограничены. По словам адъютанта Ришелье и графа Рошешуара, проект дома был заказан одесскому архитектору [2].

После закладки первого камня фундамента европейского летнего дома последовало распоряжение Ришелье облагородить прибрежную зону — высадить парк в английском, «пейзажном стиле». Источники сообщают, что на постройку дома и садовые работы было израсходовано 20 тысяч рублей (пишет маршал Мармон). Организация парка была поручена французскому садовнику Э. Либо. Для первоначальной планировки характерно стремление в максимальной мере связать парк с окружающей природой. Благодаря таланту и усердию Э. Либо был расчищен старый фруктовый сад. На его месте высажены экзотические для Крыма на то время растения: пинии и кедры. Вокруг дома расположились кипарисы и гранаты; прибрежная зона парка пополнилась молодыми оливковыми деревьями. Основной мыслью создателя было обеспечение главнейших видовых линий с площадки, на которой располагался дом. И этот склон от дома не засаживался деревьями, а представлял собой открытое пространство, покрытое зелёным ковром газона.

Особенности южнобережного ландшафта, климатических факторов безусловно повлияли на выбор стиля в Гурзуфе.

Герцог Ришелье определил расположение парковой зоны на расстоянии 40–60 метров от дома. По распоряжению владельца имением была высажена роща итальянских сосен — пиний, которая отличалась особой красотой. Представление о доме и парке в их первоначальном виде можно составить по описаниям путешественников того времени. Прежде всего, это записи адъютанта Ришелье Рошешуара: «Это имение было чудесно расположено фасадом к Чёрному морю, справа от деревни Юрзуф... жилище в греческом стиле должно было сравниться великолепием убранства с изысканным дворцом хана в Бахчисарае. Немецкий садовник-пейзажист, который управлял садами и оранжереями Бороздина, начертал планировку сада» [1], о чём говорят заметки

Броневского (1815), «Дорожные письма» С. А. Юрьевича (1816) и, конечно же, поэтические произведения Пушкина: «Я помню твой восход, знакомое светило, / Над мирною страной, где все для сердца мило, / Где стройны тополи в долинах вознеслись, / Где дремлет нежный мирт и темный кипарис...»

Следующий владелец имения, определённый в завещании Ришелье, адъютант герцог И. А. Стемповский (1789–1832) благоустройством имения не занимался и через год продал его М. С. Воронцову (1782–1865), который с 1823 по 1844 год являлся генерал-губернатором Новороссийского края.

Граф Воронцов Михаил Семёнович много сделал для развития Крыма и особенно Южнобережья. Садовник К. Кебах, который был приглашён для благоустройства парка в Алупке, занимался одновременно парковыми работами в Гурзуфе с сентября 1830 года. Уже в начале 1830-х годов Кебаха величают Главным садовником Южного берега Крыма, и все крымские помещики наперебой зовут его к себе консультировать посадки и планы своих садов и парков. Сажены из Алупкинского питомника пользовались большим спросом и охотно приобретались другими.

Древесные букеты по присущей Кебаху манере высаживались в искусственные и естественные трещины в скалах, располагались в сочетании с крупными камнями. Он продельвал настоящие пластические операции с рельефом, прокладывал новые дорожки, высаживал новые породы деревьев. Тщательно продуманная дренажная система, индивидуальный уход за некоторыми растениями, особый режим питания сделали своё дело. Многие, даже очень редкие и прихотливые растения, хорошо укоренились и стали чувствовать себя ничуть не хуже, чем на родине.

Александр Грибоедов, гостивший в имении в 1825 году, оставил воспоминания: «...Вид с галереи, кипарисники возле балкона, в мнимом саду гранатики, вправо море беспредельное...» [4]. Кебаху необходимо было «украсить сад, содержать клумбы, большие кипарисы снизу и около них посадить пошире, особенно лавры» [1]. Парк «расцвёл» благодаря таланту садовника, а сама усадьба оставалась в своём первоначальном виде.

Описание имения на 1834 год оставил Монтандон: «Сад спланирован на английский манер, на слегка наклонных участках земли, которые образуют зелёные лужайки среди огромного разнообразия деревьев и кустарников... В имении виноградник, довольно обширные земельные угодья, несколько построек для управляющего и прислуги» [12].

Можно предположить, что именно так и выглядело имение, когда его владельцем был граф М. С. Воронцов. Однако реконструкция парка и дома не вызвала желаний у нового хозяина дома жить в Гурзуфе.

В конце 1834 — начале 1835 года Воронцов продает имение И. И. Фундуклею за 100 тысяч рублей.

Гражданский сенатор Киева, новый владелец усадьбы в Гурзуфе, И. И. Фундуклей с энтузиазмом взялся за переустройство дома и парка, прилагая все усилия к его совершенству. В 1835–1840 годах насаждения парка были значительно пополнены новыми породами: калифорнийской сосной, чилийской араукарией, гималайским кедром. В это же время были построены оранжерея и теплица, находящиеся с западной стороны дома беседки. В середине 1850-х годов виноградники в нижнем парке были уничтожены, а на их месте посажены масленичные и лавровые рощи [9].

Фундуклей преобразовал парк с элементами террасного устройства. При реконструкции парка в 1838–1840 годах площадка, на которой стоит дом, с восточной и южной сторон была обработана в виде террасы с венчающими её мраморными вазами (архитектор З. Юдкевич).

Для поливки парка использовалась вода из цементного водоёма на 40 тысяч вёдер в западной части парка в роще пиний, куда она стекалась из нескольких родников, наполняющих этот водоём. В начале 60-х годов этот бассейн будет декорирован природным камнем и украшен скульптурой «Нимфа» (автор неизвестен). Водоём перед домом оформлен беломраморной чашей (архитектор З. Юдкевич). С верхней площадки от дома на нижнюю дорогу устроена лестница под дугообразным металлическим каркасом, увитым виноградом и розами. Имение обсажено тополями. Некоторые источники упоминают факт посадки им платана перед домом в годовщину смерти А. С. Пушкина.

«Перед балконом помещичьего дома Вам покажут на величественный чинар, лет 20 тому назад посаженный собственными руками хозяина дачи: он имеет более 70 футов в высоту» [5].

В середине XIX века имение в Гурзуфе принадлежало к числу самых больших и богатых на Южном берегу. «При живописном местоположении и богатой южной растительности на этой даче соединены всевозможные затеи всякого богатого барского имения...» [8].

В «Очерках Крыма» Г. Маркова читаем: «Со станции Ай-Даниль непременно съезжайте в Гурзуф Фундуклея. Это одна из живописнейших местностей, которые не забываешь, увидев раз» [5].

Почти полвека владел имением в Гурзуфе И. И. Фундуклей. После его смерти в августе 1880 года имение унаследовали его племянницы М. И. Врангель и Краснокутская. Наследницам Гурзуф казался провинциальным и скучным. Поэтому в мае 1881 года они продают имение московскому миллионеру П. И. Губонину (1825–1894) за 250 тысяч рублей. «Имение в то время простиралось только до дороги около речки и заключало в себе 20 с небольшим десятин виноградников, а всего удобной и неудобной земли 83 с половиной десятины. <...> Из построек при покупке имения... существовали: большой дом с галереей, обращённой на восток и с кухней при нём, винный подвал с жилой

квартирой над ним и с кухней напротив, казарма, конюшня, оранжерея. Теплица, две круглые беседки, из которой одна в виноградниках. Вблизи айданильской границы, другая среди кипарисовой рощи, на высоте 385 футов над уровнем моря, около шоссе, которая служит спуском в имение» [9]. В истории парка начался новый этап развития.

В 1882 году Губонин расширяет свои владения, купив у князя Барятинского земли в устье реки Авинды [1] для организации в Гурзуфе климатического курорта. Что предполагало использование парковой зоны как одного из средств курортного лечения.

Вот как описывает парк времён Губонина доктор медицины В. А. Щепетов: «... Повсюду разбросаны клумбы цветов: между группами тенистых деревьев разбросаны лужайки с яркой зеленью; расчищены площадки, дороги и тропинки, образованы тенистые аллеи... сделаны искусственные возвышения, живописно украшенные пористым камнем, цветами и разнообразными экзотическими растениями... сооружены чудные фонтаны... устроены веранды. Обсаженные вьющимися розами, виноградом и разноцветными тыквами. Всё это содержится в отличном порядке. Чтобы дать возможность посетителям ознакомиться с отдельными растениями, везде повешены надписи с соответствующими названиями их» [9]. Для парка приобретены скульптуры «Ночь», «Рахиль», «Беломраморные львы», «Сфинксы». «Зелёная» коллекция парка пополняется экзотическими культурами (банан, бамбук, лимон, мандарин, магнолия).

Особый интерес представляет часть парка, примыкающая к дому владельца. Узлом этой части парка становится круглая клумба на юге, украшенная веерными пальмами. На фотографиях этого периода можно увидеть клумбу с гербом из цветов перед фасадом здания. «Вблизи от дома владельца замечательно эффектен один круглый газон, украшенный группой... магнолий» [9] — пишет Щепетов. Он же упоминает о высаженных там же экземплярах лавровишневого дерева, окаймлённых протянутыми по проволоке гирляндами из вьющихся роз; многие дореволюционные путеводители рассказывают о розах, в которых буквально утопал дом хозяина, что служило предметом постоянного любопытства туристов, которым доступ для осмотра всегда свободен. Роза здесь имела до 150 своих разновидностей, с преобладанием ремонтантных и чайных сортов.

Широко применялась фигурная стрижка вечнозелёных кустарников (топиарное искусство).

Плодовые деревья составляли немалое украшение парка (грецкий орех, шелковица). Щепетов описывает миндаль, цветущий в феврале и марте, ярко-огненные цветы гранатовых деревьев и фиговое дерево как прекрасные образцы флоры парка.

Были устроены оранжереи и обширный грунтовый сарай, где находилась коллекция померанцевых деревьев, увешанных плодами апельсинов и лимонов. Кадки с цитрусовыми выставлялись в тёплое время года вокруг дома. Об этом свидетельствуют сохранившиеся фотографии. Террасу перед домом красиво декорировали экземпляры миртового дерева, «чайного дерева», рожкового дерева, олеандры.

«На лужайках разбросаны роскошные экземпляры оранжерейных декоративных растений — пальмы, латании, драцены, агавы, юкки, кактусы, древовидные папоротники» [9].

Особую прелесть представляла собой роскошная площадка с фонтаном и хвойными деревьями, включающая живописный уголок с верандой и изящную с ажурными стенками клетку — садок для канареек («канареечная беседка»). Парк обильно снабжался водой и в сезонное время хорошо освещался электричеством, но особенно оригинален был разноцветный фонарь перед домом владельца имения, то есть перед особняком, построенным Ришелье. Он бросал фантастический свет на фонтан «Чаша» и прилегающую территорию.

Описывая флору Гурзуфского парка, Щепетов сравнивает его с обширным фантастическим ботаническим садом. В это время парковыми работами занимался садовник П. И. Губонина В. М. Гламаздин.

Парк разделился на две части: курортную, где располагались гостиницы Губонина, и придомовую, где находился дом хозяина. Это разделение унаследовано нынешними границами между санаторием «Пушкино» и санаторием «Гурзуфский».

После смерти П. И. Губонина курорт перешёл к его сыну Сергею. Имение, которое покупал Пётр Ионович у наследников Фундуклея за 250 тысяч рублей, теперь оценивалось в 3,5 млн рублей [10].

Потомок предпринимателя не смог вести дорогостоящее дело, и в 1902 году имение было продано.

В дальнейшем в планировке и архитектуре парка не произошло существенных изменений. После Октябрьских событий 1917 года в России он использовался для климатолечения военным санаторием. Современный парк является наследником губонинского парка.

В процессе перехода дома Ришелье и прилегающей к нему территории от владельца к владельцу парк расширялся, благоустраивался и менял свои границы. Каждый владелец внёс свой вклад не только в его развитие, но и в развитие Южного берега Крыма. Охарактеризуем вклад каждого.

Арман Эммануэль София Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, герцог де Ришелье, в России известный как Эммануил Осипович де Ришелье, — французский и российский государственный деятель. С 1803 года — градоначальник Одессы, в 1805 — генерал-губернатор

Новороссийского края; в 1815 году — премьер-министр правительства Людовика XVIII (до 1821 года, с перерывом в 1818–1820). С 1816 года — член Французской академии.

Особый вклад генерал-губернатора в развитие Крыма — основание Никитского ботанического сада в 1812 году. Энергичный, умный администратор Ришелье понимал, что для развития садоводства необходим научный центр, каким и стал позднее Никитский сад. На основании доклада Ришелье император Александр I поручил ему учредительство сада, ассигновав для этой цели 10 000 рублей ежегодно. Именно для Крыма Ришелье стал выписывать из Франции новые сорта винограда, поощряя разведение лавров, оливкового дерева.

Муравьёв-Апостол, путешествовавший по Крыму в 1820 году, писал: «Я не знаю человека, который бы оставил в чужом краю счастливейшую по себе память. Татары с умилением произносят имя Ришелье...» [7].

Ришелье также обратил внимание на разработку соляных озёр Крыма, учредил соляные запасы, устроил пользование целебными грязями Кезлева — Евпатории. Он дал согласие в ответ на просьбу командира Балаклавского греческого батальона заниматься кораблестроением, мореходством и торговлей и просил командира поощрять такие полезные дела.

События Отечественной войны 1812 года помешали планам Ришелье по дальнейшему развитию Крыма. В 1814 году он возвращается во Францию.

Живя во Франции, герцог мечтал посетить Новороссию. В одном из писем он вспоминал о чистом, свободном воздухе крымских степей. Но ему не суждено было снова увидеть Крым. 16 мая 1822 года он скоропостижно скончался.

В год смерти Ришелье имение в Гурзуфе по завещанию герцога перешло к его адъютанту Стемпковскому, который через год продал его новому новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову.

Михаил Семёнович Воронцов — российский государственный деятель, граф с 1845 года. Светлейший князь; генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант; почётный член Петербургской Академии наук (1826); новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор (1823–1844). Он способствовал хозяйственному развитию края, строительству Одессы и других городов. В 1844–1854 годах — наместник на Кавказе.

7 мая 1823 года граф, впоследствии Светлейший князь, Михаил Семёнович Воронцов был назначен на пост генерал-губернатора Новороссийского края. На протяжении 20 лет М. С. Воронцов заботился о развитии и процветании этого края. Земли в Крыму Воронцов стал скупать ещё в 1821 году, особенно привлекал его Южный берег Крыма.

О том, что в Крыму есть прекрасные места, не уступающие по красоте Италии, Михаил Семёнович узнал в Париже от бывшего генерал-губернатора Новороссии герцога Ришелье. И тогда же он решил осмотреть Южный берег и приобрести имение для своей летней резиденции. Он приобретает имение в Гурзуфе у адъютанта Ришелье Стемпковского, которое продаёт во время строительства огромного дворца в Алупке.

Свой наличный капитал предприимчивый губернатор пустил на покупку земель в Алупке, Ай-Даниле, Массандре. В урочище Ай-Даниль Воронцов заложил первые промышленные виноградники, построил подвалы и бочарную мастерскую.

Виноградники Гурзуфа, Ай-Даниля, Массандры давали возможность производить прекрасные вина, которые обрели всероссийскую славу, не уступая лучшим маркам вин Франции, Италии, Греции.

«Благословленная Таврида, — как отмечал его секретарь М. П. Щербинин в биографии князя, — и живописные её берега, омываемые волнами Чёрного моря, оживляемые солнцем юга, в особенности были предметами его творческой предприимчивости. Там положил он основание новой отрасли отечественной промышленности. Убедившись, что по благодатворённому своему климату в Крыму с успехом преуспевать может виноделие, граф Воронцов ревностно принялся за дело: выписаны им лозы всех сортов из Франции, Испании и берегов Рейна: приглашены виноделы, и не щадя издержек из собственного достояния стали обрабатываться и приготавливаться земли для насаждения ожидаемых лоз» [10].

В своих южнобережных имениях Воронцов создает большие виноградные плантации. Уже к концу 1820-х годов в его айданильском имении насчитывалось 160 тысяч кустов винограда, в Массандре — 180 тысяч, в Алупке — 140 тысяч. С целью развития промышленного виноделия почти весь виноград в его имениях перерабатывался на вина [10]. В 1840-х годах продажа вин составляла основной доход южнобережных имений.

Алупкинский оливковый сад насчитывал 1200 деревьев, которые в год давали до 20 пудов маслин. От 10-летнего сада получали примерно 25 бутылок масла, при хорошем уходе от одного дерева вырабатывали до 50 бутылок [1].

Море с его огромными рыбными запасами тоже не осталось без внимания графа Воронцова. В 1830-е годы для налаживания отлова и засолки сельди в Феодосии и Керчи он даже выписал рыбаков из Англии и Голландии. У мыса Ай-Тодор был поставлен лов устриц. И рыбный, и устричный промысел носили товарный характер для удовлетворения нужд местного населения.

Благодаря Михаилу Семёновичу Воронцову Крым был исследован, зарисован, описан гораздо точнее и подробнее многих других районов

России. С целью популяризации малознакомой для многих крымской земли Воронцов приглашал художников для изображения наиболее интересных видов полуострова. Одним из первых художников, запечатлевших Южный берег Крыма, стал Никанор Григорьевич Чернецов, приехавший по приглашению Воронцова в 1833 году.

Южный берег Крыма обязан Воронцову развитием и усовершенствованием виноделия, организацией училища виноградарства и виноделия в Магараче, устройством превосходного южнобережного шоссе, строительством торгово-пассажирского порта, началом пароходства по Чёрному морю, приданием Ялте статуса города, строительством великолепного дворца в Алупке.

Из приведённых данных видно, что М. С. Воронцов многое сделал не только для выгоды «дел домашних», но и для развития края.

В конце 1834 года Воронцов продал гурзуфское имение сенатору Фундуклею.

Фундуклей (Иван Иванович, 1804–1880) — общественный деятель и археолог. В 1838 году — волынский вице-губернатор, киевский губернатор (до 1852 года), предводитель Киевского дворянства. Создатель первой женской гимназии в России; в 1855 году — генеральный контролёр Царства Польского.

Имя Ивана Ивановича Фундуклея хорошо известно в Крыму. Проживая в Одессе, Фундуклей купил у своего непосредственного начальника графа М. С. Воронцова имение в Гурзуфе. Это произошло в конце 1834 — начале 1835 года, стоимость его составляла 100 тысяч рублей. Фундуклей интересовался Гурзуфом в личных целях: для использования морских купаний в лечении его серьёзного заболевания.

Живя в Гурзуфе каждое лето, Фундуклей организовал здесь своё виноделие. «В 1847 г. началось строительство обширного винного подвала, в 1849 г. он был построен». (Винный подвал был рассчитан на 10 тысяч ведер вина.) «Вино, изготавливаемое здесь, считалось лучшим на Южном берегу, и гурзуфские вина смело соперничали с винами иностранными» [6].

Имение Фундуклея славилось на Южном берегу Крыма. И. И. Фундуклей смог принять у себя 14 сентября 1837 года даже императора Николая I, императрицу Александру Фёдоровну, великую княжну Марию Николаевну с большой свитой. А также наследника престола великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II). Великий князь запомнил Гурзуф надолго, недаром в 1874 году, уже будучи императором, он хотел приобрести имение в качестве свадебного подарка великой княжне Марии Александровне, но сделка не состоялась.

Начиная с 1841 года мы встречаем имя И. И. Фундуклея в списке прихожан Ялтинской церкви.

Фундуклей почти полвека владел имением в Гурзуфе, но сведениями о его вкладе в развитие Южного берега Крыма мы не обладаем.

Пётр Ионович Губонин — купец I гильдии, строитель железных дорог, промышленник и меценат, статский советник (с 1885 года). Масштабы деятельности П. И. Губонина были весьма обширны: машиностроение, нефтяная и газовая промышленность, железные дороги и мосты через крупные сибирские реки, банки и курортное дело.

П. И. Губонин, став основателем первого климатического курорта на Южном берегу Крыма, способствовал развитию условий на Южном берегу для лечения и отдыха, вовлечению местного населения в курортную сферу услуг.

Купив в 1881 году за 250 тысяч рублей имение в Гурзуфе, предприимчивый и энергичный Петр Ионович Губонин стал развивать курортное дело. Он построил в Гурзуфе 8 гостиниц, ресторан в парижском стиле, торговые лавки, аптеку, провёл водопровод и канализацию, устроил великолепный парк с ансамблем фонтанов. Благодаря попечительству П. И. Губонина была открыта почтово-телеграфная станция, фельдшерский пункт. Центр и набережная посёлка вымостили камнем. При его участии возводится храм Успения Пресвятой Богородицы, строится мечеть.

Богатая публика, в том числе московская, стала выбирать Гурзуф местом отдыха.

Проекты губонинских гостиниц, или, как тогда называли, доходных домов, были разработаны ялтинским архитектором Платоном Константиновичем Теребенёвым, занимавшим в те годы должность архитектора Ливадийско-Массандровского Удельного Управления.

Аптека в Гурзуфе была открыта в сентябре 1888 года. Губонин, получивший разрешение на её открытие, передал аптеку в аренду провизору, устроив всю обстановку за свой счёт.

Население посёлка в конце XIX века составляло более одной тысячи человек. Многие местные жители, традиционно занимаясь садоводством, виноделием, табаководством, с открытием в Гурзуфе курорта стали сдавать комнаты отдыхающим, заниматься мелкой торговлей.

В 1887 году Губонин начал строить православный храм — церковь в византийском стиле во имя Успения Пресвятой Богородицы. При храме П. И. Губонин открыл прекрасную церковно-приходскую школу, в которой в начале 1890 году обучалось 40 человек. Учебники и пособия распространялись среди учащихся бесплатно. Для сезонных рабочих проводили народные чтения. Эти рабочие набирались главным образом для сбора винограда на обширных плантациях в окрестностях Гурзуфа. Переработка производилась на заводе в Ай-Даниле, принадлежавшем Губонину.

Как отмечают источники, глубоко верующий человек Пётр Ионович Губонин внёс существенный вклад в сооружение Владимирского собора — усыпальницы адмиралов и памятника обороны Севастополя 1854–1855 годов. На пожертвования Губонина была завершена внутренняя отделка Владимирского собора в Херсонесе.

Пётр Ионович Губонин очень любил Гурзуф, подолгу жил там. И местом своего упокоения завещал сделать Гурзуф, где и был захоронен в усыпальнице храма.

Значительный интерес в изучении садово-паркового искусства нашего региона особенно актуально в настоящее время и характеризуется уважением к традициям прошлого.

История развития парка Ришелье в Гурзуфе неотрывно связана с историей владельцев усадьбы, вклад его хозяев в развитие паркового строительства неocenим для истории и позволил создать уникальный памятник садово-паркового искусства Южного берега Крыма, России.

Список использованных источников

1. Бертъе-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе: Память о Пушкине в Тавриде. — Симферополь: Таврия., 1995.
2. Егорова Е. Н. Флористическая символика в поэзии Пушкина. «Приют задумчивых дриад»: Пушкинские усадьбы и парки. — М.: Информационный центр, 2006.
3. Колесников А. И. Архитектура парков Кавказа и Крыма. — М.: Государственное архитектурное издательство, 1949.
4. Марков Г. Очерки Крыма. — СПб., 1872.
5. Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму. 1834. — Симферополь, 1997.
6. Муравьёв-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. — СПб., 1823.
7. Сосногорова М. Путеводитель по Южному берегу Крыма. — 1880.
8. Щепетов В. А. Гурзуф на Южном берегу Крыма и его лечебные средства. — Одесса, 1890.

И. Фоменко

Ялта

Ялтинские иностранцы

Рассмотрим территорию Ялты в современных границах как часть Южного берега Крыма от Гурзуфа до Фороса.

На протяжении всей истории в Ялте, так же как и в Крыму, проживали люди многих национальностей. В XIX — начале XX века курортную славу и благополучие Ялты создавали и французы. Пути, которыми они попадали в Крым, были различны. Кто-то добирался в столь отдалённые от Европы места целенаправленно, другие — по воле судьбы, иные приезжали по приглашению, но были и те, кто остался в Крыму после возвращения французской армии с полуострова после кровопролитной военной кампании 1854–1856 годов. Кто-то из них отличался смелостью, кто-то — предприимчивостью, кто-то применял свои знания и умения, полученные на родине, кто-то остался в истории загадкой, а кто-то не успел воплотить собственные авантюрные планы. Но были и те, кто оставил о себе память у нескольких поколений жителей побережья и даже за пределами Крыма [1, с. 172].

Вероятно, первым французом, ставшим землевладельцем на Южно-бережье, был принц Карл Нассау Зиген. В конце XVIII века как награду за военную службу на благо России императрица Екатерина II даровала ему земли Массандры. Принц не успел осуществить в Крыму свои планы по обустройству, но оценить природную прелесть подаренной земли он успел, что нашло отражение в его восторженных письмах супруге.

В краеведческой литературе много написано об уединенной жизни в Гурзуфе, в крохотном домике на берегу Чёрного моря, французенки графини Гаше (Жанны де Ламотт).

Необычайная красота неизведанной в начале XIX века крымской природы влекла путешественников, некоторые из них вскоре становились местными землевладельцами. Одним из таких путешественников был Александр Васильевич Ашер, иностранец купеческого сословия, прибывший в 1824 году на Южный берег Крыма вместе с князем Александром Сергеевичем Голицыным [2, л. 1]. Многочисленные трудности в обустройстве проживания европейца на побережье Крыма в то время нисколько не испугали этого человека, а, наоборот, побудили к активным действиям. Александр Ашер первым приступил к организации подрядов и исполнению строительных работ при возведении первых казённых и частных домов, служебных построек. Насущная задача по развитию торговли товарами повседневного спроса для путешественников, а также

для рабочих была решена Ашером за несколько лет, хотя и не принесла ему предпринимательскую выгоду. Можно утверждать, что Александр Ашер был первым предпринимателем и первым предпринимателем-французом в Ялте, а может быть, и в Крыму.

К его заслугам можно отнести также посадку в Ореанде и Магараче около 100 тысяч виноградных лоз и множества разнообразных растений [2, л. 1 об.]. Упорный труд предпринимателя, направленный на благоустройство и улучшение условий жизни на Южнобережье, не остался незамеченным для Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, по предписанию которого в 1835 году А. В. Ашеру была вручена премия в 3 тысячи рублей [2, л. 4]. Воронцов ходатайствовал о присвоении Александру Ашеру звания почётного гражданина, соответствующий указ Правительствующему Сенату был дан Императором Николаем I 10 апреля 1832 года [2, л. 1 об.]. В 1840-е годы Александр Васильевич Ашер занимался строительством дома в имении «Артек» по проекту архитектора Филипа Эльсона. Составить впечатление об этом, к сожалению, несохранившемся доме можно по картине русского художника Никанора Чернецова, запечатлевшего «Артек» в 1834–1836 годах.

Яркий след в истории Крыма оставил Сергей Александрович Ашер. Он — долгожитель в чиновничьем мире Ялты, Крыма. В 1850-е годы Сергей Ашер служил в Земском суде Ялты [8, с. 127], в 1860-е годы являлся членом Таврической Губернской Земской Управы, когда очень активно и основательно занимался разработкой вопроса о соединении Крыма железной дорогой с центральными губерниями страны [10]. В 1870-е годы С. А. Ашер продолжал служить в Управе Таврического земства в качестве гласного, в 1880 году, находясь в чине титулярного советника, был избран секретарём Управы [9]. В 1890 году он занял пост председателя Общества взаимного кредита в Ялте [8, с. 128].

В 30-е годы XIX века свой упорный труд, обширные знания и опыт ялтинской земле стали отдавать французские виноделы. Франц Иоган Гаске первым определил ценность Южного берега Крыма для получения оригинальных десертных и крепких вин высокого достоинства. На виноградниках графа М. С. Воронцова трудились братья Собес.

Дочь винооторговца Антуана Собес Матильда стала женой одного из первых городских голов Ялты Владимира Антоновича Рыбицкого. Она была владелицей гостиницы «Ялтинская», которая была одной из лучших в начале 1870-х годов в Ялте. Гостиница располагалась в самом центре города, на Бульварной улице [12].

В 1870-е годы по решению ялтинского городского правления активно благоустраивалась Слободка в Старом городе. По перспективному плану прокладывали новые улицы, строили новые дома, при этом одним

из специалистов, проводивших земляные работы, был Клоде Рукс [3, л. 96]. Там же на Слободке и в имении «Массандра» у графа Семёна Михайловича Воронцова работал архитектор Бушар. Его труд был так самоотвержен, а здоровье слабо, что сердце не справилось с нагрузками. В 1880 году он скончался в Массандре при постройке дворца.

Французы были удачливыми отельерами на побережье. Среди них — Поль Робино и Яков Россе. Купец второй гильдии Поль Робино — владелец здания, построенного на Набережной Ялты, открыл в нём первоклассную гостиницу «Франция» в середине 1880-х годов. В ресторане гостиницы наряду с блюдами русской кухни всегда подавали и лучшие блюда французской кухни. А в книжном магазине торгового ряда гостиницы можно было приобрести французские книги и новинки французской литературы. Купец второй гильдии Я. Я. Россе, имея дом и автомобильную контору с французским гаражом в Ялте, стремился расширить предпринимательскую деятельность и открыл комфортабельную гостиницу в собственном доме в центре Алупки. Большой сад при гостинице и ресторан с французской и русской кухней привлекали посетителей круглый год.

В числе землевладельцев Южнобережья второй половины XIX века значился месть Виктор Олив. Известно, что в начале 1890-х годов Вивиан Вильямович Олив был избран губернским предводителем дворянства. История многочисленного семейства Оливов давно забыта, но топонимика побережья чудом сохранила до наших дней фамилию семейства в названии курортного посёлка Олива, расположившегося у старого севастопольского шоссе, недалеко от Фороса. Этот факт позволяет вспоминать и говорить об определённом вкладе французов в историю Южного берега Крыма.

В конце XIX — начале XX века французский предприниматель Кубе открыл французский гастроном в самом центре ялтинской Набережной, в популярных торговых рядах Стахеева. Известность в городе приобрели и кондитер Жан Равве, и преподаватель Поль Рено, совершенствовавший знания французского языка у ялтинских гимназистов.

Когда-то несколько поколений ялтинцев и гости курорта хорошо знали имена купцов Эдмунда Верне и Эмиля Флорена, так как посещали кондитерскую, владельцами которой в разное время были эти французы. История маленькой французской кондитерской на Набережной Ялты насчитывает более полувека. Имя французского гражданина Эдмунда Верне впервые появляется в списке купцов Ялты, объявивших свои капиталы и торгующих на правах купцов 2-й гильдии, в 1887 году [4, л. 122 об.]. В 1888 году в городе уже хорошо известна французская кондитерская Верне, устроенная на Набережной павильоном, выходящим на море, где постоянно толпилась приезжая

публика во время виноградного сезона [13]. Это был шестигранный шатёр из камня, дерева и стекла с просторной террасой, на которой стояла лёгкая изящная мебель. Вход украшали вечнозелёные кипарисы, а террасу — цветущие олеандры и экзотические деревья в кадках. На шпиле крыши всегда развевался флаг Российской империи. В павильоне продавали лечебные и столовые воды, появилось мороженое, а позже — чай, кофе, шоколад.

В 1888 году в Ялте впервые побывал А. П. Чехов, хотя и проездом. Был жаркий июль. Чехов, прогуливаясь по Набережной, мог видеть павильон-кондитерскую над морем, мог стать и её посетителем. На следующий год Чехов часто бывал там. Сидел на террасе у Верне, пил чай или кофе, наблюдал курортную суету, море, публику на Набережной, как и многие другие. В жаркий летний день в тени лёгкой навесной крыши посетители кондитерской Верне могли отдыхать, наслаждаясь свежим морским ветром, сверкающим блеском воды, бескрайними голубыми просторами, и ощущать себя словно на палубе корабля. А вокруг протекала обычная курортная жизнь.

В один из тех неспешных дней бархатного сезона конца XIX столетия по воле А. П. Чехова на террасе кондитерской появился известный персонаж, Дмитрий Дмитриевич Гуров. Помните, как у Чехова: «Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста, блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц» [14].

14 мая 1896 года в кондитерской Верне случился пожар и уничтожил деревянный павильон [5, л. 5]. Хозяин, вероятно, быстро восстановил потерю, так как путеводители за 1897 год рекламируют Парижскую кондитерскую Верне на Набережной, расположенную vis-a-vis с меблированными комнатами «Мариино». Причём отмечалось, что павильоны на Набережной — на металлических сваях [7, с. 104]. В одном из них располагалось знакомое нам кафе от кондитерской, а в другом — летний ресторан от гостиницы «Франция».

С 1898 года павильон на Набережной арендовал французский гражданин, житель Ялты, содержатель ресторана в гостинице «Мариино» Эмилий Андреевич Флорен [6, л. 2 об.]. Он решил, во избежание пожаров, выстроить железный павильон над морем и торговать в нём чаем, кофе, лимонадом, зельтерской водой и кондитерскими изделиями. Следующие три года аренды также были выкуплены Э. Флореном, но уже гораздо дороже [5, л. 14]. Эмилий Флорен оставался владельцем кондитерской вплоть до установления советской власти более 20 лет.

Парижская кондитерская Флорена считалась самой шикарной в городе, и потому цены здесь были на несколько копеек выше, чем в других кондитерских. Пирожное, стоившее повсеместно 3 копейки, у Флорена стоило 5, стакан чая или молока — 10 копеек, большая чашка чёрного

кофе — 15 копеек, чашка шоколада с бисквитами или порция мороженого — 25, бутылка лимонада — 20, а сельтерской воды — 15 копеек. Спиртные напитки в кондитерской никогда не продавались, но доходы содержателя росли год от года за счёт увеличения количества продаж. Этому способствовал имидж лучшей кондитерской города, составляющими которого были непременно реклама кондитерской в газетах и путеводителях, великолепное качество предлагаемых бисквитов и тортов, шоколада и мороженого, нуги и буше для дам.

Эмилия Андреевича Флорена в Ялте знали все. Как многие горожане, он принимал участие в благотворительных мероприятиях, жертвовал деньги на постройку санатория для бедных [11], оказывал помощь нуждающимся людям. Во французской кондитерской распространялись билеты на многие городские благотворительные вечера и концерты.

В 1913 году Э. А. Флорен был принят в число действительных членов Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба наряду с известными ялтинцами [15]. Для горожан это означало, что он вошёл в число лучших представителей ялтинской интеллигенции. Труд Э. А. Флорена, по его собственному определению, был направлен на содействие развитию и процветанию Ялты как курорта, предоставление приезжей публике удобств и удовольствий в соответствии с интересами города [5, л. 9].

В трудные годы Гражданской войны, когда не хватало денежных знаков, а некоторые были ненадёжны, Эмилий Флорен, заботясь о посетителях кондитерской, а также о бесперебойной торговле, напечатал разменные марки. Эти боны заверялись подписью хозяина-француза. Некоторые из них сохранились и сегодня занимают своё место среди редчайших экспонатов в коллекциях бонистов разных стран.

Перед наступлением советской власти хозяин кондитерской, вероятно, эмигрировал. Судьба его неизвестна.

Благодаря всем этим людям, рождённым во Франции и привнёсшим на Южный берег Крыма свою ментальность, культуру, знания и традиции, Ялта обогатилась частичкой французского шарма, многовековой мудрости французского народа. Так в очарование курортного города добавилась и французская изюминка.

Список использованных источников

1. Вебер Ф. Ялта. — Б. м., 1888.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26, оп. 1, д. 10067.
3. ГАРК. Ф. 522, оп. 1, ед. хр. 6.
4. ГАРК. Ф. 522, оп. 1, ед. хр. 509.
5. ГАРК. Ф. 522, оп. 1, ед. хр. 1265.
6. ГАРК. Ф. 522, оп. 1, ед. хр. 1334.

7. Иванов Е. Э. Ривьеры и Южный берег Крыма, их лечебные места и средства. С картами Ривьеры и ЮБК. Для врачей и образованной публики. — СПб.: Издание журнала «Современная медицина и гигиена», 1897.
8. Макарухина Н. М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Книга вторая. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. — 256 с.
9. Прения и постановления Таврического очередного губернского земского собрания. XIV сессия, заседания 10–26 января 1880 г. — Стенографический отчёт / Сост. Н. М. Симонович. — Симферополь: тип. Спиро, 1880.
10. Приложения к записке члена Таврической Губернской Земской Управы г. Ашера «О соединении Крыма железной дорогой с центральными губерниями. — Б. м., 1868.
11. Санаторий Александра III в Массандре. — Ялта, 1903.
12. Список дач и пустопорожных земель к плану города Ялты (на Южном берегу Крыма), составленному в 1885–1886 годах городским землемером И. Иванисовым.
13. Фоменко И. Ф. Французская кондитерская в Ялте. — Крымская газета. — 25 января, 2000. — № 13 (15869).
14. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. / Под общей ред. проф. А. М. Еголина, Н. С. Тихонова. — М.: Наука, 1977. — Т. 10.
15. Ялтинский вестник. — 2 июня, 1913. — № 1092.

Сведения об авторах

1. **Ж. С. Амфитеатрова** — председатель Крымского французского общества (Симферополь).
2. **Е. Н. Архипова** — филолог (Гурзуф).
3. **И. С. Ганжа** — ведущий библиотекарь Отдела редкой книги ЯЦГБ им. А. П. Чехова (Ялта).
4. **В. А. Долженко** — пушкинист, член Николаевского пушкинского клуба (Николаев).
5. **С. М. Дремлюгина** — заведующая отделом научно-просветительской работы КРУ «Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе» (Гурзуф).
6. **О. Ю. Ершова** — главный хранитель фондов КРУ «Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе» (Гурзуф).
7. **Е. В. Захарова** — лауреат международных конкурсов, солистка Центра вокального искусства, Крымское французское общество (Севастополь).
8. **Б. Красняков** — ученик 11 класса Никитской УВК (Ялта).
9. **Н. М. Макарухина** — историк, член союза краеведов России (Санкт-Петербург).
10. **А. В. Медведева** — преподаватель русского языка и литературы школы ФГБОУ «МДЦ “Артек”» (Гурзуф).
11. **Э. Б. Петрова** — д. и. н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь).
12. **И. Ф. Фоменко** — главный хранитель ГБУ РК «Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник» (Ялта).

Знак информационной
продукции **16+**

Научное издание

Коллектив авторов

**Международная научно-практическая конференция
«ДНИ РИШЕЛЬЕ В ГУРЗУФЕ»
сборник научных трудов**

Ответственный редактор: *Т. В. Джакаева*

Составители: *Т. В. Джакаева, Л. В. Савостьянова*

Редакторы: *Л. П. Авдонина, Л. В. Савостьянова, Ю. Г. Долгополова*

Макет и компьютерная верстка *А. В. Пинчук*

Художественный редактор *Н. В. Дымникова*

Корректор *Т. С. Кравцова*

ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»

Макет подписан 30.07.2021.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 5,1.

ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»,
Республика Крым, г. Ялта, ул. Кирова, д. 112,
yalta-museum.ru

Электронная версия

ISBN 978-5-6046175-2-6

9 785604 617526